

НАШИ • ТАМ

МОРСКОЙ ВОЛК

БОРИС ЦАРЕГОРОДЦЕВ
АРКТИЧЕСКИЙ
УДАР

Морской волк

Борис Царегородцев

Арктический удар

«Центрполиграф»

2013

Царегородцев Б. А.

Арктический удар / Б. А. Царегородцев — «Центрполиграф»,
2013 — (Морской волк)

ISBN 978-5-227-04087-9

В боевом походе атомная подводная лодка К-119 внезапно переместилась во времени и в пространстве, оказавшись летом 1942 года у берегов Америки. Не представляя, как вернуться назад, да и возможно ли это, команда решает идти к родным берегам и помочь своим предкам выиграть войну, тем более что она вооружена знаниями и техникой XXI века. И вот один за другим отправляются на дно корабли немецкого флота, уничтожены авиабаза и порт. В германских штабах паника, в наших – недоумение: кто-то уничтожает противника, а кто – неизвестно. Лишь распространились странные слухи о марсианской подлодке под командованием Ламипета...

ISBN 978-5-227-04087-9

© Царегородцев Б. А., 2013
© Центрполиграф, 2013

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	25
Глава третья	35
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Борис Царегородцев

Арктический удар

Выражаю глубокую благодарность за помощь в написании книги товарищам, которые посещают сайт самиздата, где они бывают под никами: Andy_18ДПЛ и Marttinen – за подсказки в обустройстве подводной лодки; Lех – за советы по развитию сюжета; Владу Савину – за фантики к роману. И многим другим, кто меня поддерживал.

Глава первая

20 июля 2012 года, где-то в Баренцевом море

Со стороны могло показаться, что эта огромная посудина движется очень медленно, как бы нехотя, не спеша, расталкивая волны тупым носом, похожая на огромного кита, пригревшегося на солнце, которому лень даже хвостом пошевелить. Подводный крейсер первого ранга с крылатыми ракетами в шахтах и торпедами в трубах – это не стремительный сторожевик или эсминец, который режет форштевнем водное пространство. Однако он медлителен и неуклюж только на поверхности, а на глубине, в водах океана, почти так же стремителен, как корабль на поверхности. И смертельно опасен для любого корабля, не дай бог попасть под удар его оружия.

На ходовом мостике атомной подводной лодки К-119 «Воронеж» находился ее командир, Михаил Петрович Лазарев. Он задумчиво вглядывался в морскую даль. Это был, как говорят, мужчина-красавец в самом расцвете сил, мечта женщин. Голубые глаза, густые, черные, с легкой сединой на висках волосы. Капитан всегда шутил по поводу такого природного несоответствия: дескать, бабка виновата. В чем именно виновата, не говорил. Однако его супруга рассказала своей подруге, жене старпома этой же подлодки, семейную историю, которая происходила перед войной под Житомиром. Влюбилась бабка в цыгана, а может, он в нее – не важно. И, как она ни скрывала, родители об этом узнали. Много было шума, слез, но отговорить не смогли, хотя и свадьбу сыграть не успели, началась война. Во время эвакуации при переправе через Днепр налетели немецкие самолеты, в панике влюбленные потеряли друг друга, как оказалось, навсегда. В сорок втором родился отец Михаила, бабка в конце войны вышла замуж за морского офицера, который усыновил мальчишку. После войны они перебрались в Одессу, на родину отчима, лет через пять в Севастополь, где спустя четверть века в семье капитан-лейтенанта Черноморского флота Петра Лазарева и родился наш герой. Понятно, любовь к морю передалась Михаилу по наследству. Он поступил в военно-морское училище, надеялся вернуться в Севастополь, но судьба забросила его с теплого и ласкового южного моря на холодный и неприветливый север.

«Да, не подфартило мне с выходом в море. Еще бы недельку подождать с этим походом, успел бы отпраздновать свой день рождения дома, в кругу родных и друзей. Теперь придется в море. Хотя кого я обманываю, мне повезло, да еще как! Скоро ровно год, как в последний раз выходил в море дальше чем на сто миль от базы. Можно сказать, на якоре стою и ракушками обрастаю. А тут наконец-то идем в долгожданный поход», – размышлял полный тезка адмирала Лазарева, еще не адмирал, а лишь капитан первого ранга. Но кто, будучи морским офицером, не мечтает стать адмиралом!

* * *

Прошло чуть более пяти месяцев, как он вступил в должность командира лодки. До этого командовал подводной лодкой типа «Щука-Б» проекта 791. На Северном флоте их прозвали «Барсами» по названию головной, списанной полгода назад. И вот – в море. Три выхода на сдаточные испытания после ремонта вспоминать не стоило. Засиделся он на берегу. Поход – это здорово, отлично, правда, экипаж пока не сработался. Много новичков пришло на лодку, так как она только четыре месяца назад вступила в строй после капремонта. Более трех лет длился на подлодке этот капремонт. За это время полностью заменили гидроакустический комплекс, установив из последней разработки. Смонтировали новый навигационный комплекс и БИУС.

В задней части слегка переделанной ходовой рубки смонтировали две четырехконтейнерные установки малогабаритного противолодочного комплекса «ПАКЕТ-Э/ПК». Вместо «Шквала» приняли шесть ракет РК-55 («Гранат»), две из них с ядерной начинкой. Основное вооружение, ракеты «Гранит», также модернизировано и загружено в шахты. Заменяли активную зону в реакторе, да и по мелочи кое-что, хотя, конечно, на лодке мелочей нет, учитывая то, что она вступила в строй восемнадцать лет назад. Теперь, по начинке, ни в чем не уступала новейшим подлодкам. Правда, Лазарев не понимал, почему к ним прикомандировали девятерых подводных диверсантов. Да еще с полным техническим обеспечением, под командованием коренного мурманчанина, капитана треть его ранга Андрея Витальевича Большакова. Что, интересно, они забыли в Средиземном море? Но приказ есть приказ. Он зависит от конкретной обстановки. Возможно, российским адмиралам не дает спокойно спать слава князя Боргезе.

Это был первый выход экипажа на боевое дежурство в новом составе. Некоторые отправляются в дальний поход впервые. Как они там себя поведут, все же три месяца под водой, не видя солнца, да в замкнутом пространстве? Подобное под силу не каждому. Да и сам Лазарев много ли ходил, учитывая то обстоятельство, что начало его службы совпало с развалом страны. Тогда было не до походов, флот сокращали, корабли списывали. Офицеры или уходили сами, или их увольняли в запас. Флот приходил в упадок, – еще немного, и Россия лишилась бы этого детища Петра. Но спохватились, поняли, нельзя России без флота, и лет десять назад начали возрождать. Со стапелей сходили новые корабли, либо достраивались когда-то законсервированные из-за нехватки средств. Флот хотя и медленно, но пополнялся новыми кораблями. Таким образом, за последние десять лет Лазареву посчастливилось три раза сходить в дальний поход. Всего у него четыре дальних да пять близких – вот и все. В общей сложности из двадцати четырех лет службы, включая училище, он пробыл в море примерно два с половиной года. Это так мало! И вот теперь поход в Средиземное море. Вести наблюдение за их АУГ. Поистине громадина К-119 там как слон в посудной лавке. Но у руководства свои резоны – попугать НАТО, поскольку тот, используя как предлог беспорядки в арабских странах, ввел дополнительно свои авианосцы и не спешит их уводить. А К-119 своего рода метла. Выметать их оттуда. Можно было подумать, кто-то их боится. Как бы самим не испугаться. Туда не одну, а минимум пяток лодок посылать надо. Лет этак тридцать – сорок назад эти поборники демократии не так уютно чувствовали себя в присутствии пятой эскадры ВМФ СССР. Перед походом было решено провести учения, на которых К-119 гоняли свои противолодочники, имитируя корабли, охраняющие группы авианосцев. Им же предстояло подобраться как можно ближе к воображаемому «американцу» – «Кузнецову». Чем ближе, тем лучше, тогда появлялся шанс, что их ракеты не успеют перехватить. Наверху лодку караулили четыре корабля, самолеты и вертолеты «Кузнецова». Их лодка, ясное дело, не «Лада», а «железнодорожный вокзал», погруженный под воду: слышно за сто миль, хотя и они не лыком шиты. Просто так за яйца не взять, так что прорвутся. В течение трех суток они пытались найти, прорваться и уничтожить «противника». По итогам учений стало ясно, насколько они готовы действовать в реальной обстановке, не обнаруженные кораблями противника. Экипаж получил положительную оценку. Хотя, скорее всего, получил авансом, так сказать, на будущее. Однако они сумели незаметно подобраться к противнику на сто двадцать миль. После пополнения припасов наконец-то вышли в море. По ходу учений Лазарев понял, что экипаж подобрался отличный, с ним хоть в огонь, хоть в воду. Хорошо, в комсостав удалось собрать самых лучших. Все отличные специалисты, а про старпома и говорить нечего. Старпом, «первый после Бога и командира», капитан второго ранга Иван Петрович Золотарев, или просто Петрович, один из троих из прежнего экипажа Лазарева. Жаль, после этого похода с ним придется расстаться. Он получит под командование собственную лодку. Кроме того, учитывая важность задания, Лазарев настоял на переводе с предыдущей своей подлодки штурмана капитана третьего ранга Александра Александровича Головина, Сан Саныча, с которым вместе служил вот уже пятый год.

А еще Богдана Михайловича Сидорчука, старшего мичмана и лучшего снабженца на флоте. Его все старались переманить к себе. Отличный моряк!

После этого похода Лазареву придется расстаться с еще одним из офицеров, но на сей раз без сожаления. Это переведенный из штаба флота на должность зама по воспитательной работе капитан второго ранга Валентин Григорьевич Елезаров. После этого похода ему пообещали отставку с присвоением следующего звания. Елезаров самый старый по возрасту член экипажа, и Лазарев не представлял, как тот выдержит этот поход, потому что последний раз ходил лет двадцать назад. В середине восьмидесятых закончил Киевское высшее военно-морское политическое училище. Начало карьеры у него было стремительное, за шесть лет дослужился до капитан-лейтенанта. После развала СССР уволился, можно сказать, по политическим мотивам, был не согласен с политикой правительства. После увольнения подался в коммерцию, неплохо начал, но плохо закончил. Коммерция, как оказалось, не его стихия, тут законы волчьи: если не ты съел, тебя съедят. Вот и сожрали. В конце девяностых старые товарищи помогли ему вернуться в ряды военно-морского флота. С тех пор все время при штабе, где приобрел прозвище Комиссар. Теперь же перед увольнением ему понадобился плавстаж, и руководство не придумало ничего лучшего, чем засунуть его на К-119. Уже здесь он получил новую кличку – «затычка в заднице». С ним будет тяжело в походе, предполагал Лазарев, это не Петрович.

«А вот, кстати, и Петрович», – глядя на сорокалетнего офицера, поднимающегося на ходовой мостик, подумал командир.

– Как там, на борту, Петрович, в порядке? – спросил я.

– В порядке, все доложили о готовности, да и сам обошел все отсеки. Так что лодка к дальнему походу готова.

– А как наша молодежь себя чувствует перед долгим походом?

– Да все настроены по-боевому. Комиссар всех на путь истинный наставляет.

– Ну, раз все настроены по-боевому, значит, задание выполним.

– Сан Саныч, сколько осталось до точки погружения?

– Минут сорок хода, товарищ командир, – ответил штурман.

– А как насчет рыбаков, Петрович?

– Заранее все были предупреждены, но им это предупреждение до одного места, поэтому впереди идут два корабля обеспечения, будут распугивать, чтобы не мешали до погружения. Знаем мы этих рыбаков, они и на базе норовят идти на таран, так что надо смотреть в оба.

– За рыбаками пусть сигнальщики присмотрят, а мы с тобой давай подумаем, как пойдём. Согласно плану, с которым ходили на доклад, или по совету штаба? А то придумаем что-нибудь новенькое с учетом всех вариантов.

Мы стали перебирать все варианты, прикидывать плюсы и минусы, к обсуждению подключился и штурман. Было два варианта. Уходить сразу на север подо льды, посидеть там несколько дней, дожидаясь, когда окно в космосе на пару часов закроется, а потом выскочить между Шпицом и Гренландией – и потихоньку, полегоньку на юг, к Гибралтару. Или идти напролом. Поворачиваем сразу на запад, вдоль Норвегии, между Англией и Исландией выходим в Атлантику.

Обсуждение шло до тех пор, пока штурман не объявил:

– Все, отцы-командиры, закончите обсуждение внизу, подходим к точке погружения.

– Все вниз, погружение! – объявил я.

Все быстро спустились вниз, в чрево лодки, которая постепенно начала погружаться в морские глубины холодного Баренцева моря. Спустя какое-то время на месте подлодки опять проходила волна за волной, и ничего не напоминало о том, что она здесь была.

И вот она уже крадется в темных холодных водах Арктики, словно к чему-то принюхиваясь и прислушиваясь. Ее путь лежал на север. Весь экипаж, согласно боевому расписа-

нию, приступил к выполнению своих обязанностей на местах. Вдруг впереди по курсу лодки в воде стало происходить что-то необъяснимое. Хотя экраны гидроакустического комплекса ничего не зафиксировали, тем не менее примерно в ста метрах появилось нечто, напоминающее не то свечение, не то неизвестную субстанцию, похожую на гигантскую медузу, в которую лодка вошла с одной стороны, но не вышла с другой, а просто исчезла или растворилась в этом НЕЧТО. Будто ее проглотила эта самая медуза. Наверное, так это выглядело бы на взгляд каких-нибудь зеленых человечков, со стороны. Но мы, находясь внутри лодки, не видели ничего – зато очень хорошо почувствовали. Вскоре после исчезновения лодки из этой точки исчезла и аномалия. Однако снова появилась, но уже над водой, недалеко от входа в Белое море, в виде огромной арки с погруженными в воду концами. Арку окутывал плотный туман, стелющийся над водой на много миль в обоих направлениях. Из тумана с интервалом в несколько минут показались два морских судна старой постройки. Палубы были заставлены военной техникой времен Второй мировой войны.

3 июля 1942 года, Атлантика, пятнадцать миль к востоку от Бостона

Подводная лодка серой тенью скользила по поверхности моря, заряжая батареи. На мостике находились пятеро бородатых подводников чуть ли не в трусах. Эта компания, пристально вглядываясь в линию горизонта, что-то высматривала вокруг лодки. Но на много миль вокруг море было чистым. Далеко на западе вдоль горизонта тянулась полоска земли. Америка. Море было относительно спокойным, небольшие волны размеренно покачивали лодку на волнах. Стояла очень теплая, даже жаркая погода. За бортом было лето и солнце в зените.

– Ну до чего же хорошо так воевать! – Штурман Эдгар Херман разглядывал спокойный океан, блестящий в лучах солнца. – Болтаемся тут, как лиса в курятнике! И хоть бы одна собака нас заметила и прогнала.

Насчет этого Херман заблуждался. Довольно далеко на трехкилометровой высоте пролетала патрульная летающая лодка, с которой на поверхности моря заметили длинный продолговатый предмет. Но так как горючее было на исходе, летчики лишь передали на базу координаты. Информация путешествовала по линиям связи от одного штаба в другой, пока решали, кого именно направить в тот район. Летом сорок второго противолодочная оборона флота США еще не была организована так, как станет всего через год, очень много времени уходило на всякого рода согласования. В связи с этим у немцев было достаточно времени, чтобы уйти, не опасаясь, что их обнаружат.

Но судьба распорядилась иначе.

Херман этого не знал. И самолета не заметил. Оттого продолжал благодушно размышлять:

– Нет, все ж хорошо воевать с таким командующим, как «папа» Дёниц! Бережет корабли и людей, ведь что есть субмарина на море? Не солдат, который и в атаку, и на пулемет, и в траншее, и под танки. Субмарина – партизан, диверсант. Нападающий там, где его не ждут, и потому наносящий противнику большие потери при минимальных своих. Стало тяжело вблизи Британии – «папа» оперативно перебросил нас к Америке, где тупые янки словно не знали, что наш фюрер вообще-то объявил им войну!

Казалось, вернулось «жирное время», лето сорокового! Горели маяки, все навигационные огни, и транспорты шли без всякой охраны, с положенными ночью огнями! Никакой ПЛО не существовало в природе. Можно было даже высадиться на берег, посидеть в ресторане, сходить в кино, снять девочку, а под утро вернуться на подлодку сытым и довольным! Не война, а приключения в стиле Дюма или Сабатини. Некоторые парни обнаглели настолько, что ходили на берег в форме кригсмарине со всеми регалиями. И сорили долларами, которые совсем не трудно было достать в оккупированной Франции на черном рынке. А потом топили суда этих кроликов-янки. Часто работали артиллерией, жалея торпеды. Делали в тех водах что хотели.

Нет, ну до чего же славно быть доблестным героем кригсмарине, время пройдет – и о «белокурых рыцарях морей» легенды будут слагать!¹

Нет, сейчас стало хуже. Огни погасили, все чаще встречаются противолодочные самолеты и корабли. Правда, самолеты обычно безоружны и могут лишь сообщить об обнаруженной лодке, а корабли зачастую представляют собой наспех вооруженные траулеры и даже яхты. А уж взаимодействие и организация этих «сил» вызывает лишь ухмылку «волков» Дёница, знакомых с беспощадной травлей в английских водах. Собственно, близ Британии в сороковом поначалу было так же.

А, к дьяволу, что будет потом, плевать! – решил Херман. Хорошее – сейчас! Неделю назад остановили в море яхту, на которой путешествовал какой-то богатый янки, считающий, что война не для него! С ним были его жена с дочкой и трое матросов. Последних сразу пристрелили, затем и хозяина, убедившись в его бесполезности. Да и что ценного может знать торговец, разбогатевший на продаже автомобильных шин! Зато с женщинами развлеклись всей командой! Дочка, светловолосая и пухленькая, совсем как немка, да и мамаша еще не старая, вполне ничего! Парни даже хотели взять их в Сен-Назер, но командир, капитан-лейтенант Хекнер, решительно воспротивился. Женщина на корабле – к несчастью! Погуляли – и хватит! Хорошего понемножку. А леди пора домой.

Что ж, воля командира – орднунг! Женщин галантно вывели на палубу, затем закрыли люки и погрузились. До берега было миль пятнадцать, как сейчас. Интересно, дамы утопили сами или их съели акулы по пути? А яхту, кстати, не топили, так и оставили плыть пустой. Говорят, у этих вод, отсюда и до Бермуд, дурная слава: исчезают люди и корабли, ну так они прибавили к легендам еще одну – когда яхту найдут, вот будут гадать газетеры!

– Командир! Скоро домой? Кажется, этот поход нам удался, для первого выхода – неплохо. Продукты, почту, боеприпасы, топливо передали нуждающимся. Даже удалось один транспорт в семь тысяч тонн потопить. А это для минного заградителя, который изображает дойную корову, даже очень прилично, – высказался штурман. – Да и эта борода, честно говоря, меня уже достала, чешется – невоготу. А главное, хочется залезть в ванну и отмочить эту грязь, а потом в кровать на двадцать четыре часа с девочкой. Командир, в следующий раз лучше пойдем на север, а то от этой жары и духоты в отсеках экипаж скоро в обморок будет падать от теплового удара.

– Не надо загадывать, Херман, о счастливом завершении похода, у нас осталось еще три торпеды, и их надо использовать наверняка, – ответил капитан Хекнер. – А то эти янки еще не поняли, с кем связались. Вот подзарядим батареи, а ночью подойдем поближе к порту – там легче выбрать цель пожирнее, – и вот тогда домой. С одним транспортом на счету, когда другие чуть ли не десятками топят, возвращаться – не много чести. Будет тебе и ванна, и кровать с девочкой – дай срок. Насчет севера, я бы не сказал, что там слаще. Холод и почти все время штормит, я уж молчу про английские противолодочные корабли. Или ты имел в виду Русский Север, но там мороз и льды. А здесь тепло, противодействия почти никакого, чем не курорт? Некоторые товарищи даже высаживались на пляжи Флориды, понежиться на песочке.

Ленивые и приятные размышления штурмана были прерваны воплем из рубочного люка: – Шум винтов с левого борта, совсем близко! Подводная лодка!

---

¹ Это реальный исторический факт. Когда одну из потопленных у восточного берега США подлодок подняли, в карманах мертвых немцев нашли оплаченные счета ресторанов и использованные билеты в кино. Уже после этого какой-то ушлый репортер, раздобыв где-то форму офицера кригсмарине, целый день ходил по Норфолку – главной базе ВМФ США – и при этом громко говорил по-немецки. Никто его не остановил. (Здесь и далее примеч. авт.)

– Наши, что ли? – недовольно спросил Хекнер, стоящий рядом с Херманом. – Или нам повезло встретить лодку янки? У них они, кстати, есть? Срочное погружение! – скомандовал командир подлодки, и все ринулись к люку.

Но не все успели спуститься вниз, как что-то огромное ударило в левый борт и послышался скрежет раздираемого железа. Такой звук штурман слышал уже не раз в своей жизни. Первый раз, когда был матросом на рыболовецком траулере и их в тумане протаранил какой-то сухогруз. И он выжил, единственный из команды, благодаря тому, что умел хорошо плавать. А второй раз, не так давно, перед самой войной, когда ходил за рудой в Швецию вторым штурманом на транспортном судне. В Ботническом заливе напоролись на подводную скалу, но обошлось без жертв и купания в холодной воде.

И вот снова этот звук. Легкий корпус лодки был распорот на протяжении двенадцати метров, а трещины пошли и дальше. Была вскрыта главная балластная цистерна и часть топливных, образовалась небольшая пробоина в дизельном отсеке из-за повреждения заборной арматуры. Корма лодки ушла под воду, и поток хлынул с палубы в открытый люк дизельного отсека. По инструкции этот люк нельзя было держать открытым, но так часто делали здесь, чтобы проветрить дизельный отсек. И это оказалось фатальным, иначе, возможно, лодка бы спаслась.

Всех, кто был на лодке, этот удар сбил с ног. Все, кто не успел проскользнуть в рубочный люк, попадали. Хекнер, не удержавшись от таранного удара, упал и ударился головой о люк. Повиснув, оглушенный или уже мертвый, вниз головой в отверстие люка, заблокировал его. Подлодка накренилась на левый борт. Внизу, на центральном посту, старший помощник орал, отдавая команды. Штурмана тоже приложило о борт, но более удачно. Видя, что лодка погружается и он не успеет пропихнуть капитана и спуститься сам, он и не захотел спускаться в этот стальной гроб, понял, что лодка сейчас уйдет на дно и ничто ее не спасет. Он сбежал на палубу, на ходу пытаясь сбросить ботинки, когда же это удалось, прыгнул в море и поплыл подальше от опасности. Через минуту лодка скрылась под водой, и на месте погружения запенились пузыри воздуха и солярки. Экипаж еще отчаянно боролся за жизнь, но это уже была агония: не зная о разрушении кормовых цистерн, они лишь тратили драгоценный воздух, пытаясь их продуть. Результат – пузыри на поверхности вместе с соляркой. Где-то рядом барахтался ошалевший Херман.

«Господи, неужели ты решил так наказать меня, я ведь притронулся к тем бабам по одному лишь разу, ну и еще... Другие-то грешили больше! Возможно, потому они и задыхаются сейчас, заживо замурованные на дне, а я все еще могу дышать! Только бы не акулы, нет! Вода теплая, пятнадцать миль, но ведь сумел же какой-то британец в тридцать четвертом или в каком-то еще году переплыть Ла-Манш, а я – ариец, герой кригсмарине!»

Херман огляделся. Он был один. Куда подевались командир и те трое, что были наверху? Акулий плавников, к счастью, тоже не было видно. И надо плыть, пока они не появились.

А на берегу? Вот будет смеху, если ему не поверят и погонят вон, как беспаспортного бродягу! Поди докажи тамошней полиции, что он моряк кригсмарине и, согласно конвенции о военнопленных, должен быть обеспечен казенным содержанием: крышей, едой, одеждой. Но об этом после – сначала доплыть. А уж там найти первого же полицейского или иного представителя власти и сдать в плен. Американцы – цивилизованный народ. Простой и незлобивый, как деревня, и пока не имеют оснований злиться на немцев, как лимонники. А там, глядишь, война кончится через год-другой, когда фюрер завоюет достаточно жизненного пространства на Востоке, загнав азиатов-русских за Уральские горы, оставив разбираться с ними японского союзника: пусть те сами захватывают Сибирь, если она им нужна!

Тут Херман возблагодарил судьбу, что его U-215 не включили в состав одиннадцатой арктической флотилии. Это было бы воистину страшно – альтернативой смерти мог стать только русский плен. А это, по словам пропагандистов, настолько ужасно, что и представить нельзя.

Сначала комиссары будут страшно пытаться, демонстрируя свою звериную суть недочеловеков, затем погонят в страшную ледяную Сибирь, в концлагеря, которые у них называются ГУЛАГи, и будут морить в шахтах непосильной работой, а тела умерших укладывать в вечную мерзлоту вместо шпал железной дороги или скармливать белым медведям. Нет, Херман здравомыслящий человек – знает, что нельзя полностью доверять пропаганде. Но даже если малая часть того – правда, этого хватало с избытком.

Берег не приближался совсем. Лежа на спине и отдыхая, он думал: на что же они напоролась или кто напоролся на них? И что теперь делать дальше? До берега очень далеко, можно не доплыть, если только какой-нибудь корабль или патрульные самолеты не заметят его. И получится, что он зря прыгал в море, все равно утонет, только чуть позже.

Что-то заставило Хермана повернуть голову, оглянуться.

Из моря всплыла огромная подводная лодка. Таких просто не могло быть в природе, если верить справочникам. Удивляли непривычно сглаженные очертания и отсутствие орудий на палубе; кажется, на рубке были какие-то надписи и номер, но отсюда не разобрать. От лодки отвалил быстроходный катер, матросы в оранжевых спасжилетах, кто-то указывает рукой в его сторону. Точно, американцы. У англичан таких подлодок нет, а вот американцы при высоком уровне техники всегда отличались гигантоманией, у них уже двадцать лет назад подлодки были под три тысячи тонн! Хотя у японцев тоже есть большие подлодки, с которых даже самолеты могут взлетать, но что делать самураям в Атлантике и как бы они сюда прошли? Американцы, без сомнения. Вот почему они их протаранили – не заметили. Лодку построили, а моряки из них, как из п... рукав.

Зато не надо плыть пятнадцать миль, рискуя попасть в зубы акуле. Да здравствует американский плен! В соответствии с Гаагской конвенцией надо сразу потребовать, как положено, медицинскую помощь, еду, сухую одежду! Ну вот, уже кто-то хватается за шкирку и тянет наверх, еще кто-то тащит за руки.

«Я в лодке, – едва не задохнулся от счастья штурман. – Лодка надувная, похожа на резиновую, но очень плотная, незнакомой конструкции, с подвесным мотором, таких я нигде не видел, на боку латинскими буквами написано YAMANA. Так что же это получается, нас потопили японцы? Как они здесь оказались, это же не Тихий океан? Да и эти несколько не похожи на японцев, за исключением разве что того, который справа. У остальных лица вполне себе европейские. Один из них что-то спрашивает, я не слышу, вода в ушах, да и шок. Смотрю на приближающуюся подлодку. Ну очень огромная! Когда смотришь на ее палубу, кажется, на ней можно играть в футбол».

Он потряс головой. И вот тут его охватил ужас, когда он услышал русскую речь.

«Так это русские, а они-то что здесь делают и как смогли построить такую огромную лодку? А говорили, что они, кроме как плести лапти и пить водку, ничего не умеют. И так, я попал к русским, лучше бы утонул, все равно мне не жить».

Его стал бить озноб, будто он голым попал на тридцатиградусный мороз.

«О боже, нет, лучше за борт, но не дают, хватают, укладывают лицом вниз! Лучше бы я утонул – все равно мне не жить!»

– Ой, мой бог, я пропал, ой, мой бог! – невольно вырвалось у него.

Он не помнил, как оказался на палубе. Кто-то что-то крикнул сверху, но от шока он не понял, что именно. Матросы подхватили его под руки, подняли на палубу и повели к двери рубки, и тут от потрясения пережитым или от страха перед будущим, а может, от всего вместе штурман потерял сознание.

Атлантика, 1942 год, это же время

Все, кто был в лодке, почувствовали, как она слегка затормозила, будто кто-то пытался удержать на месте двадцать тысяч тонн стали и сто тысяч лошадей. Казалось, лодка удержится под водой и ничего не произойдет, но какая-то сила подхватила ее и чуть не выкинула с глубины сто восемьдесят метров на поверхность океана.

– На рулях, держать глубину, олухи царя морского! – выкрикнул я.

Но лодка не слушалась рулей и стремительно всплывала. Но вот стремительный подъем завершился у самой поверхности, и лодка перешла в горизонтальное положение.

– И что это могло быть? – произнес старпом, окидывая всех взглядом, будто ожидая ответ от кого-то из присутствующих в центральном отсеке.

В этот момент все ощутили удар ограждением рубки и скрежет разрываемого железа. Не все устояли на ногах от этого удара.

И страшный скрежет разрываемого железа – над нашими головами. Честно скажу – мне было страшно. И любому на моем месте было бы страшно. Когда ожидаешь, что на голову сейчас хлынет водопад ледяной воды – и все!

– Стоп машина! – заорал Петрович, опомнившись первым. – Да вы что, глазастые, куда на х... смотрели! Спите, что ли!

– Так все же было чисто на экране, тащ кавторанг, – оправдывается оператор ГАКа.

– Осмотреться в отсеках и доложить, – скомандовал я.

Блин, вот вляпались-то! Айсберг, что ли? Южная часть Баренцева моря летом?

Спустя несколько секунд стали поступать доклады из отсеков, что повреждений и поступления воды нет. Энергоустановка в норме, видимых повреждений нет.

– Так, Петрович, и кого это мы поцеловали? – обратился я к старпому.

– Да черт его знает. Рыбаков здесь не должно быть, всех предупредили, что будут проходить учения в этом районе. Хотя они на все запреты кладут с прибором. Может, янки или их шавки решили подсмотреть, что мы тут делать будем, вот кого-то и зацепили, – ответил Петрович.

Тут в центральный вломился ли, вбежал или влетел, но только не вошел наш Комиссар с круглыми глазами и испуганным лицом. Правой рукой держался за локоть левой, видимо, во время удара не удержался и ударился обо что-то.

– Что случилось? Кто-то нас протаранил? Повреждения есть? Что будем делать?

И это, как ни парадоксально, разрядило обстановку. По крайней мере, сделало менее напряженной.

– Успокойтесь, товарищ капитан второго ранга, сейчас все выясним, – ответил я.

– Глубина? – это уже вахтенному.

– Перископная, тащ каперанг, – послышался ответ.

– Акустики, слушать пространство вокруг лодки, включить видеонаблюдение и доложить.

– Есть объект, лево двадцать, погружается, слышны шумы вырывающегося воздуха.

– На сонаре что видно? Объект, дальность двести пятьдесят метров на север, товарищ командир, похоже, он тонет, и больше вокруг ничего не наблюдаю, все чисто.

– До этого тоже ничего не наблюдал. Всплываем. Аварийная команда, наверх!

– Так это мы кого-то протаранили? Как такое могло случиться, мы же шли на глубине? Что, рули вышли из строя, поэтому мы так быстро всплыли? И эта лодка только что после капремонта. Надо об аварии сообщить в штаб, – затараторил наш Комиссар.

– Сейчас всплывем, все выясним и доложим о происшествии. А что у вас с рукой?

– Да ударился о переборочный люк, и, похоже, не слишком удачно.

– Тогда пройдите в медблок, пусть наш медик посмотрит, что с вами.

Через несколько минут лодка показалась над водой, которая стекала с ее бортов серебряными струями, на ограждении рубки появилась нехилая вмятина от удара, более половины сте-

кол на ходовой выбито, хотя она и была спроектирована для подламывания льда и имела большой запас прочности, но удар о препятствие не прошел бесследно. Открылась массивная дверь сбоку рубки, и дюжина матросов в оранжевых жилетах, одетых в теплые куртки, выбежала на палубу. Сверху на ходовом мостике также показались несколько тепло одетых матросов.

Когда я поднялся наверх, глядя на выбитые стекла и проломленную переднюю стенку ограждения, мысленно выругался: «Ну вот, только вышли из ремонта, и опять придется вставать на ремонт, будь оно неладно. И кого это там угораздило подставиться под нас».

Осматриваюсь вокруг, вдали, у самого горизонта, на западе проглядывала полоска суши, которой, по идее, не должно быть, но она была. А так, насколько взгляда хватало, горизонт был чист. Менее чем в двухстах метрах расплывалось масляное пятно, посреди него плавали какие-то обломки. «Сейнер или еще что?» – пронеслось у меня в голове.

– Что за черт, вам не кажется, здесь слишком тепло для Арктики, – заметил наш второй штурман Дима Мамаев по кличке Мамай. – И солнце высоко, в наших широтах так не бывает! Это не север. Интересно, куда мы попали.

– А правда, где это мы вынырнули? – проговорил я. – Какая-то аномалия? Не может быть так тепло, хотя сейчас и лето. Определить местонахождение, – сказал я, повернувшись к штурману.

– Человек за бортом! – раздался голос сигнальщика.

Мы посмотрели в сторону обломков, там в волнах прыгала голова.

– Бот на воду, спасти человека! – скомандовал Петрович.

– Товарищ командир, – раздался голос второго штурмана, – спутниковая система не работает, спутники не отвечают, будто их там нет.

– Как не работает? Может, после столкновения антенны повреждены? – предположил я.

– Да нет, все в порядке, повреждений нет, просто спутники исчезли, – выдохнул Мамай.

– А другие спутники как?

– Да никак, их просто нет.

– Как нет? И куда же они делись?

– Да не знаю я, куда они все подевались! Ни ГЛОНАСС, ни Джи-Пи-Эс, ни гражданских связных!

– Остальные системы работают?

– Да, остальные все в рабочем состоянии.

– Задействовать все системы и определить местонахождение.

Через несколько минут наверх поднялся Сан Саныч с озадаченным лицом и, осматривая море вокруг лодки, посмотрел зачем-то на солнце.

– Командир, я, конечно, извиняюсь, но мы заплыли черт знает куда. Так как глубины под лодкой и рельеф дна не совпадают с Баренцевым морем, а все данные указывают на то, что мы в Атлантике, где-то недалеко от побережья Америки, где точно, потом доложу.

И вот еще одна сцена из «Ревизора». Тишина повисла примерно на минуту. Ну просто Н.В. Гоголь, «Ревизор», последний акт, немая сцена. Потом она прервалась матом.

– Ты это серьезно?

– Обижаешь, командир.

Мне больше всего сейчас хотелось ляпнуть что-то типа «Да как мы сюда попали, только что были в Баренцевом море, а теперь за тысячи миль, где-то около Америки. Да этого не может быть, да что тут за б... происходит, кто-то может нам хоть что-то объяснить?». Но я сдержался: командир по должности обязан знать ВСЕ, а если нет, ни в коем случае не показывать это подчиненным. Потому я авторитетно изрек, указав на возвращающийся бот:

– А вот мы у того спросим. Он местный? Значит, должен что-то знать! Тогда и решим, что наверх докладывать!

Спасатели подняли на борт какого-то бородатого типа в некогда белой рубашке и вроде бы форменных брюках, но босого. Он был в шоке, его трясло так, что зубы стучали, он таращился на нас с жутким испугом и что-то причитал себе под нос.

– Узнали, кто он и откуда?

– Нет, все время бубнит что-то невнятное. Никаких документов при нем нет, вообще ничего в карманах.

– Этого вниз, в медблок, обтереть, обогреть, переодеть, – скомандовал я, – а нам – срочно убираться отсюда, пока не прихватили. Все вниз, погружение!

Погрузились неглубоко – под перископ. Вели сканирование эфира и окружающего пространства, так что могли быстро нырнуть на глубину. Решив, что срочных дел больше нет, а самое срочное – установить, *как* мы сюда попали, – наведались вместе с Петровичем к нашему «гостю» в медицинский отсек. Войдя, я сначала увидел нашего Комиссара с загипсованной рукой, который что-то доказывал бортовому медицинскому светилу Святославу по кличке Князь. Потом обратил внимание на нашего спасенного, сжавшегося на койке в углу.

– Док, что с Григорьичем?

– Перелом лучевой кости, не менее месяца ходит в гипсе. Вот я ему предлагаю: пока далеко не ушли, надо вызывать вертолет, переправить на берег и подождать замену. А он ни в какую. Говорит, останется до конца похода. Это его последний поход, и в отставку. Если мы его сейчас снимем, говорит, все пойдет прахом. А возвращаться – плохая примета, удача отвернется.

– От нас и так удача отвернулась с этим, мягко говоря, инцидентом. Ну а этот как, в порядке? – указал на второго пациента.

– Да в принципе все в порядке, наглotalся воды, шок, несколько царапин да ссадин и большой синяк на спине, переломов нет. Но похоже, ударился головой обо что-то. Хотя и на голове ни ссадин, ни шишки, – заключил наш эскулап.

– Четверть часа в воде? – усомнился Петрович. – Рановато, чтобы рехнуться. Чай, не десять суток на плоту в одиночку.

– Так мне пришлось его обследовать с помощью двух матросов – не давался. Думал, с ним что-то *очень* плохое хотят сделать. Кастрировать, например. Сейчас вроде успокоился, но все равно, вы только посмотрите на него, глаза из орбит выскакивают, все время крутит головой, того и гляди отвалится. Похоже, это немец, немецкий не спутаешь ни с каким языком. Твердит что-то одно и то же на своем собачьем языке, а что это он там лаает, надо нашего снабженца спросить, он знает немецкий.

– Старший мичман Сидорчук, срочно зайти в медблок, – раздалось по громкой связи.

– Мы что, какое-то корыто или шхуну с немцами утопили? – пошутил Князь. – Ну так им и надо, пусть не подглядывают, когда российский флот напрягает мышцы. А то каждый норовит в наш огород залезть. И все же, откуда они здесь взялись, вот будет шуму на всю округу, и нас за яйца подвешат, мало не покажется.

– Князь, помолчи, без тебя тошно, еще ты со своими приколами, – вошел Сидорчук с докладом, но тут же замолк, глядя на нас, ничего не понимая.

Утопленник забился в угол и с широко раскрытыми от ужаса глазами взирал на все происходящее, явно принимая нас за племя людоедов, которые сейчас подвешат его на вертел и начнут поджаривать.

– Доктор, дай чего-нибудь успокоительного, чтобы прийти в себя после таких известий. Шарик за ролики заскакивают, серое вещество вскипает. Не часто лодка за мгновение перемещается за тысячи миль. И природу этого феномена никто не сможет объяснить.

– Как за тысячи? Какие тысячи? А мы что, разве не в Баренцевом море?

– Нет, Князь! Мы где-то в Атлантике, у берегов Америки.

– Ну не х... себе, и как мы сюда попали?

– Сам в шоке. Знать бы, как это все произошло. Доктор! Ну ты будешь снимать мне стресс или нет?

После минутной задержки, переваривая только что полученное известие, доктор, глядя куда-то в стенку, словно к чему-то прислушиваясь, сказал:

– Самое лучшее лекарство от всех стрессов – стопка спирта, командир. А может быть, и две.

– Ты опять со своими шутками.

– Какие уж тут шутки, после таких известий. А как же этот, он-то тогда откуда?

– Сейчас расспросим, может, он что-то знает и расскажет.

– Товарищ капитан первого ранга, вы только что упомянули про какую-то Америку.

– Да, Валентин Григорьевич, по каким-то неведомым нам природным или дьявольским причинам, я не знаю, как это еще назвать, мы оказались в Атлантике.

– Но это же невозможно, что о нас скажут, если мы об этом доложим наверх? Да нас после этого всех посчитают, мягко говоря, не в себе и упрячут в психушку. Всего-то три часа прошло после погружения, а вы уверяете, что мы кого-то протаранили у берегов Америки.

– Вот и мы не верим и хотим поговорить с этим немцем. Богдан Михалыч, расспроси его, с какого он судна, что здесь делал, сколько их было, куда шли, ну и все такое.

Поначалу мичман ничего не мог добиться от этого чокнутого. Тот тарасил глаза и молился чему-то, однако его ответ нас снова вверх в шоковое состояние. Оказывается, мы протаранили немецкую субмарину (и откуда только она здесь взялась). Большого добиться пока не удалось.

– Ну все. Приплыли. Пипец котенку, срать не будет, – изрек Петрович, – теперь точно с дерьмом смешают. Весь цивилизованный мир будет вопить, что русские пиратством занимаются, и с Германией отношения могут испортиться.

– А может, этого фрица отправим к Нептуну, а сами рванем до дому, – снова пошутил доктор. – Нет человека – нет проблем.

– А что, всего-то полдня, как вышли с базы. Да за это время мы сюда не только дойти, долететь не смогли бы. Рванем домой, пусть доказывают, что это мы здесь были, – высказался Петрович.

– Да вы что такое говорите, мы все можем под трибунал попасть, – негодовал Комиссар, – как можно, поначалу спасти, а потом взять и снова утопить человека.

Я понял, мои офицеры решили немного разыграть нашего Комиссара, поэтому отвернулся, чтобы он не заметил улыбки на моем лице и еще больше не разошелся.

– Так! Все, пошутили, и хорош. Что будем делать? Положение-то хреновое, давайте думайте, как будем выпутываться из этой ситуации. Давай, мичман, расспроси его подробнее обо всем, надо узнать, какого черта они здесь делали и что за лодка у них была. Мы до самого столкновения ее не обнаружили. Неужели новый тип покрытия, который ни на одном экране не отражается. Чуть из-за них лодку свою не угробили. Здесь что, какие-то маневры с америкосами проходили? А мы из-за них должны делать ноги, Карибский кризис им в якорь, пока весь их флот не сел нам на хвост за потопление немецкой подлодки в территориальных водах америкосов.

– Эй, Сидорчук, ты, когда немца допрашивать будешь, до смерти не забей, – пошутил наш доктор.

Ну не может он без шуток.

Хотя, глядя на нашего снабженца, любой бы поостерегся с ним связываться: рост под два метра, кулаки – как пудовые гири, косая сажень в плечах, в рубочный люк с малым зазором проходит.

– Гитлер капут, Гитлер капут, – залепетал наш немец подходящему к нему мичману, – меня не надо убивать, он есть простой моряк, я есть призвать с торгового судно. Я есть бывать ваш страна до война.

Оглядываюсь.

– Князь, твою мать! Разложил на столике свои самые жуткие инструменты. Непосвященный вполне может принять их за пыточные. А этот еще медленно их перебирает, задумчиво поглядывая на «клиента». Прекрати, а то его сейчас кондратий хватит!

– Да я просто так, решил протереть немного от пыли.

И где это он нашел у себя в отсеке пыль, приколист хренов.

Немец наконец заговорил с мичманом, глядя на него, как кролик на удава. Мичман нам переводил. Мы вытаращили глаза на немца. Надо было как-то все переварить, а в голове проносились всякие сумасбродные предположения. Начиная с того, что мы все чем-то надышались и у нас глюки, вплоть до пресловутых зеленых человечков из космоса, с их экспериментами, и до конца света, который так все ждали в этом году. Хотя, возможно, у немца и впрямь крыша съехала после того, как мы его яхту, или что там еще, утопили, и он себя героем кригсмарине вообразил? Или это мы провалились в прошлое, или немцы попали к нам в будущее, или мы и немцы в параллельном мире. Надо срочно выяснять.

– Что это за херню он там несет, какой на хрен Гитлер и что за фигня? Немедленно выясни.

Из рассказа немца выяснилось, что сейчас лето 1942 года. Так, значит, второй год идет война. После того как в декабре получили по мордасам под Москвой, фашисты повели наступление на юге и теперь рвутся к Волге в районе Сталинграда, захватили Крым, окружили Ленинград. Ну, в точности как в нашей реальности. Сам он штурман на подводной лодке минном заградителе U-215, которая вышла в первый и последний для нее поход к берегам Америки более месяца назад. Видимо, лодка нами протаранена случайно, после чего, собственно, затонула. Всей субмариной куда-то провалиться – этого уж точно никто из нас не ожидал.

– Да, доктор, после того, что мы сейчас услышали, одной стопкой не обойтись, да и станка мало будет. Поллитровка явно бессильна.

– А выпить-таки не помешает. Наливай, док. – И это сказал наш Комиссар – борец за нравственность.

Я посмотрел на него и понял, передо мной совсем другой человек, не тот, что пришел к нам в команду. В глазах вспыхнул огонек, некий азарт. Я тогда не понял причину столь приподнятого настроения. Это выяснилось потом. Док протянул мне мензурку, а Григорьича предупредил, что он получил укол седативного успокоительного, потому пить ему нельзя. Тут я кое-что вспомнил:

– Богдан Михалыч! Что он там сказал насчет штурмана?

– Так он, собственно, и есть штурман той подлодки.

– Значит, штурман. Тогда он должен знать, куда нас забросило. Сан Саныч, зайди в медблок, – вызвал я по телефонной связи.

Пока дожидались Саныча, наш немец немного пришел в себя и успокоился. Он уже осмысленно разглядывал все и всех. С любопытством смотрел на приборы и предметы, находящиеся в медблоке. Но вот пришел и наш штурман, и немец опять подобрался, ожидая, что последует дальше.

– Саныч, вот он – штурман с подлодки, – кивком показал я на спасенного моряка, – поговори с ним.

– Откуда?!

– Да-да, штурман с подводной лодки, – делаю жест рукой, чтобы остановить встречный вопрос, готовый сорваться с уст Саныча, – фашистской Германии.

Штурман секунд пятнадцать молчал, обводя всех взглядом, думая, что его разводят и кто-то со смехом сейчас это выдаст. Но все были серьезны. Наш Комиссар вообще пребывал в прострации под действием лекарства. Вскоре он уже спал.

– Что ты, как рыба на суше, рот раскрываешь. Ничего же не слышно. Мы, кстати, не менее тебя ох... удивились, когда все это услышали.

– Командир, какая на хрен Германия, да еще фашистская, когда на дворе 2012 год. Они что, где-то до сих пор все скрывались? Я слышал, будто у них база где-то в Антарктиде подо льдом была. Они что, оттуда?

– Нет, Сан Саныч, это мы сюда.

– Как сюда, куда сюда, я что-то не пойму?

– Ладно, не буду я тебя мучить, это мы провалились в прошлое, и сегодня 3 июля 1942 года.

– Не фигово девки пляшут!

– Вот-вот, и у нас такое мнение. Давай, Саныч, порасспроси этого немца, где именно мы вынырнули.

Штурман стал расспрашивать немца, а мичман переводить.

– Командир, теперь мы знаем примерную точку нашего нахождения с погрешностью в полмили. Мы в пятнадцати милях восточнее Бостона в заливе Массачусетс. Я предлагаю осторожно спуститься на шесть миль южнее, там есть очень приметный мыс с маяком, тогда у нас будут точные координаты.

– Давай спустимся, посмотрим, правда это или нет.

Оставив немца в медблоке и предварительно вызвав лейтенанта Игоря Малышева присмотреть за ним, сами направились на центральный пост. Через пятьдесят минут Саныч уже высчитывал наши координаты.

Я до последнего не верил, все надеялся, что это ошибка. Но нет, мы находились на расстоянии видимости с мысом. Да, это Атлантика, и вот оно, побережье США. В какой-то паре миль от нас прошел, коптя небо угольным дымом, старинный пароход. Старинный для нас, но, возможно, вполне себе современный для 1942 года, хотя и не наверняка. Я наблюдал в перископ за всем, что происходило на воде и над ней, и никак не мог поверить, что все это правда. Однако после того, как наша радиотехническая служба поймала радиостанцию, где передавали новости о героической борьбе англичан в Северной Африке и тяжелом положении русских на фронте, сомнений не осталось. Значит, все это правда. Мы поневоле стали понемногу верить в реальность происходящего.

Так уж повелось, что командир, а особенно в автономке, – царь и бог. Его слово и воля – закон для подчиненных. Но и отвечает он в случае чего тоже один за всех. В настоящий момент было непонятно, перед кем и за что отвечать.

– Всем командирам БЧ, а также капитану третьего ранга Большакову прибыть в центральный, – прозвучало по внутрикорабельной связи.

Половина вызываемых находилась поблизости на своих постах. Ждем остальных. Третьим пришел каптри Большаков.

– Андрей Витальевич, – сразу озадачил я, – там у нас в медблоке сидит немец под приглядом лейтенанта Малышева. Выдели парочку ребят, пусть сажают этого немца в изолятор, и чтобы к нему близко никто не подходил без моего или твоего приказа. Потом назад сюда.

Наконец собрались все, перекрыли переборочные люки в центральном.

– Товарищи офицеры!

Все, кто *знал* – Петрович, Саныч, командиры всех БЧ, Князь, Сидорчук, Большаков и сегодняшняя вахта, – смотрели на меня. Прочие, конечно, активно обсуждали. Однако точной информацией никто, кроме присутствующих здесь, не располагал.

Еще немец, запертый в изоляторе, дверь которого охранял кто-то из ребят Большакова с категорическим приказом «Никого не пущать!». Дежурный радист ловил на перископную антенну все, что удавалось вытянуть из эфира, ему тоже строжайше приказали ничему не удивляться, молчать как рыба и докладывать обо всем лично мне или старпому.

– Примем как данность: сегодня 3 июля 1942 года. У кого-нибудь есть соображения по поводу того, как мы сюда провалились и можем ли вернуться обратно?

Если не знаешь, что делать, действуй по уставу и инструкции. Если нет инструкции – делай, что учили. Хуже нет, попав в переplet, метаться без плана – гарантированно огребешь по полной, причем со всех сторон. Потому надо выработать план и неукоснительно ему следовать.

– Что тут может быть? – подал наконец голос Петрович. – Да что угодно! Умники на коллайдере могли чего-то запустить, а мы – побочная реакция. Или те же умники, но из какого-нибудь тридцатого века на том коллайдере, или до чего они там доигрались! Возможно, и вообще природная аномалия. Мы же где-то в районе Бермудского треугольника. Ну, или почти там. А вдруг... Гадать можно до бесконечности.

Остальные молчали. Но видно было, они полностью согласны со мной.

Надеяться, что нас выкинет обратно, нет смысла. Во-первых, ждать можно до ишачьей пасхи, во-вторых, где гарантия, что не отбросит куда-то в палеозой? Принимаю решение: остаемся здесь, в смысле – в этом времени.

Смотрю на Сидорчука. Принять у него доклад? А смысл? Я не хуже его знаю, что у нас на борту. Поскольку наш поход только начался, почти ничего не потрачено. Месяца на четыре, а если растянуть, то и на полгода хватит. Включая боекомплект и шесть ядерных боеголовок.

– Надеюсь, мы едины во мнении о том, к какой стороне присоединиться?

– Обижает, командир, – выступил Сан Саныч, – не к фашистам же или к тем, кто с сорок девятого года будет планы разрабатывать, сколько атомных бомб сбросить на Москву?

Смотрю, наш док собирается что-то сказать, только подумал: этот приколист сейчас такое сморозит, хоть стой, хоть падай. И точно.

– Командир, может, в Бразилию? Захватим ее, тебя диктатором сделаем, с нашим-то вооружением нам никто не страшен. Я футбол люблю смотреть, а от наших кривоногих толку никакого. А когда эта заварушка закончится, наши бразильские футболисты будут многократными чемпионами мира. Вот ведь когда порадуемся.

Секунд десять стояла гробовая тишина, соображали, шутка это или нет. Потом грянул смех.

После этого продолжил уже серьезно:

– Бразилия Бразилией, а Отечество, какое-никакое, оно одно. Не нам его менять!

– Вот только как бы в ГУЛАГ не загреметь, – буркнул под нос Скворцов (командир БЧ-2, кап-три, кличка Триэс).

– Быстро вспоминаем, кто у нас Сталина больше всех ругал? – вскинулся Саныч. – Новодворская и прочие правозащитнички. Что они там про Россию и русских говорили? Ну а если это все вранье, значит...

– И впрямь, командир, – поддерживает Петрович, – это ж было. «Принял разоренную страну с сохой, оставил сверхдержаву с едрён батоном». Одним самодурством такое не провернешь. Крут был мужик, к врагам беспощаден, но человек серьезный, вполне адекватный и вменяемый. С таким можно дело иметь. Ну, если только не под горячую руку...

– Да, был крут, да, были перегибы, но только не во всем этом он виноват, я присоединяюсь, – сказал Большаков. – Саныч, ты вот мне книжку дал «Красный монарх». Я Бушкова уважаю. Если хоть половина того, что он про Сталина написал, – правда, он и Лаврентий Палыч и впрямь вожди, не в пример нашим дерьмократам – строителям капитализма. Вдруг и в самом деле историю переиграем? Что бы стоило социализму еще двадцать лет продержаться до кри-

зиса, когда вся их система в штопор? Хотя они нас в девяностых здорово ограбили, а так свалились бы раньше.

– Погоди, а как же будущее? – спросил капитан Буров, командир БЧ-3 (Бурый). – Или ты считаешь, что это параллельный мир?

– А какая разница, – повернулся к нему Большаков. – *Наши* это мир, если *мы* сейчас здесь! А параллельный он или перпендикулярный – мне по барабану! Посмотрю, как он под нас гнуться будет.

Подвожу итог:

– Со вторым вопросом решили. Теперь конкретика. Куда и как?

– Ну, тут без вариантов! – возник Петрович. – Черноморские проливы для нас закрыты. Балтика тоже. Мелковато для наших размеров. Так что остается север!

– Ну, во Владивосток можно, – задумчиво произносит Бурый, – вокруг мыса Горн и наискосок. Они там, на Гуадалканале скоро рубиться начнут, хрен нас перехватят! А если по дороге встретим «Саратогу» или «Энтерпрайз» – как раз для нас цели! Тихо утопим и уйдем. Спишут все на японцев. Поди докажи, что мы вообще там были!

– Погоди, не понял? – едва не вскочил Петрович. – Ты что, хочешь за японцев сыграть?

– А что, за штатовцев? – огрызнулся Бурый. – Они ж такие союзники, что с ними и врагов никаких не надо. Я бы помог япошкам еще и Мидуэй переиграть, только мы на месяц опоздали. Пусть застрянут в Тихом еще годика на два, чтобы Япония была как Финляндия. И никакой корейской войны!

– Ты во Владике был? – спросил я. – Мне вот доводилось. Там памятник стоит нашим морякам торг-флота, погибшим в Отечественную. На постаменте памятные доски, на каждой рисунок корабля и список экипажа, кого самураи утопили *без войны*. Последним был «Трансбалт», его в июне сорок пятого.

– А вот его-то как раз под шумок амеры и утопили, а до этого еще несколько наших судов угробили и молчали два десятка лет.

– Ладно, это эмоции, но вот по жизни *там* наши отлично справились сами. Без чьей-либо помощи. Это будет через три года или раньше. А сейчас на наших сильно жмут немцы.

– Да я-то что, командир, – виновато отозвался Бурый, – я про то лишь, что целей для нас на севере нет! «Тирпиц» вроде Луниным уже битый. А кто там еще был?

– А вот у Саныча спросим.

Конек нашего штурмана – военная история, в частности история Отечественной войны. Из-за чего он в свое время переживал нешуточные баталии с женой, очень недовольной долей Санычевой зарплаты, уходящей на «эту макулатуру», которую она не раз грозилась выбросить вон. В конце концов Саныч решил эту проблему радикально, перетащив три больших ящика книг на борт. Вместе с личным ноутбуком, хранящим кучу скачанного по теме из Инета, после того как любимая доча, ставя на домашний комп Висту, вместо старой XP, нечаянно отформатировала весь винт. Не иначе – быть Сан Санычу нашим главным советником.

– Саныч, твоя *главная* сейчас задача прошерстить всю свою информацию. Интересует все: обстановка на Северном театре в данный период времени, местонахождение крупных военных кораблей Германии, их планы по поводу переходов. «Тирпиц», помню, долго еще не выйдет, а вот там еще «Шарнхорст» был и «Лютцов», и, конечно, «Шеер» – герой Диксона.

– «Шарнхорста» нет пока, – уверил Саныч, – перейдет только в январе сорок третьего. А вот «Лютцов», «Шеер» и «Хиппер» – в Нарвике. «Шеер» выйдет в конце июля в Карское море. «Лютцов», якобы винты повредивший при выходе на PQ-17, вроде должен начать переход в Киль для ремонта. Возможно, я ошибаюсь...

– Узнай! Помню, ты мне показывал подборку по всем кораблям кригсмарине. Выбери и распиши, *кто когда и куда* пойдет! Также про весь Северный театр. Военно-морские базы, аэродромы, минные заграждения, береговые батареи – все, как полагается. Не мне тебя учить,

товарищ *капитан третьего ранга*. Исполняй. К тому времени, когда мы подойдем туда, я должен знать *все*.

– Расход боеприпаса, – недовольствовал Петрович. – Может, все ж к потомкам? Они решат, если что.

– Бурый, Триэс, сколько ваши «изделия» без нормального ТО проживут? Чтобы не рванули при пуске. Вопрос второй: кто-нибудь считает, что нам это сумеют обеспечить на берегу в этом времени? Не говоря уже о воспроизводстве. Конструкция – это ладно, а материалы, технология?

– Когда в сорок четвертом на Балтике со дна немецкую подлодку U-250 подняли, это ведь очень хорошо было, – замечает Бурый. – Кроме акустических самонаводящихся, там даже на обычных торпедах были всякие полезные штучки. Приборы маневрирования, например.

– Потому я решил. Оставим потомкам для ознакомления по одному образцу. Остальные – по немцам. Кроме спецбоеприпасов, конечно.

– А почему, собственно?

– Если мы встретим авианосец «Мидуэй» под германским флагом, я сам прикажу тебе бить едрён батонем. Иначе в кого ты собираешься стрелять? По берегу – вони не оберешься, – я международную имею в виду. Вообще, это пусть решает САМ. Когда ему доложат, что за оружие он получил за семь лет «до».

– «Тирпиц» еще может вылезти. Если мы здесь, значит, может пойти не так. И «Тирпиц» выйдет раньше. И конечно, не один – с эскортом. У нас торпед не хватит. Зато один ядерный «Гранит» накроет ВСЕХ. Вдали от берега. И никто не узнает.

– Хм, а ведь ты прав. Считаю «Тирпиц» *единственной* целью, по которой не жалко и спецбоеприпас. Есть возражения?

Возражений не было. Я встал.

– Ну что, Петрович, теперь надо всем остальным рассказать, что с нами случилось, все должны это знать. Объявляй сбор.

– Всем свободным от вахты собраться в столовой, – донесся по всем отсекам лодки голос Петровича по громкой связи.

Через десять минут собрались все, многие по-прежнему недоумевали.

– Итак, товарищи подводники, – начал я, – до некоторых из вас, наверно, уже дошли слухи о том, что мы не на нашем севере, а у берегов Америки. – Удивленные возгласы. – Самое невероятное в этой ситуации: мы перенеслись на семьдесят лет назад. И это чистая правда. Сейчас за бортом 1942 год, идет война, мы только что протаранили и потопили немецкую субмарину. Сами, конечно, получили повреждения, но незначительные, на нашу боеспособность они не повлияют.

После этих слов поднялся словесный шторм, многие были поражены услышанным, кто-то шокирован, кто-то отнесся спокойно, будто предвидел и был готов к чему-то подобному. После минутного замешательства все притихли в ожидании.

– Как это все произошло, мы не знаем. Вернемся ли назад? Одному Богу известно. Возможно, через минуту или час, год или никогда. А если нас сюда забросила чья-то неведомая сила, значит, кому-то было угодно послать нам такое испытание. Посему придется воевать. Жду ваших предложений, соображений. Как вы понимаете, мы попали в прошлое нашей страны, хотя страны под названием СССР уже нет. Однако мы все родились в той стране, а многие застали те времена и помнят их. Кто был маленьким, помнят хуже. Поясню, тогда нас уважали, не многие решались вякать. А теперь все, кому не лень, норовят плюнуть в наш огород, не опасаясь последствий. Деды и прадеды многих из нас воевали на фронтах этой войны. А уж коль скоро мы здесь, возможно рядом с кем-нибудь из них, надо помочь нашим предкам выиграть эту войну с наименьшими потерями.

– Тут и рассуждать нечего, надерем фрицам зад, у нас же двадцать четыре ракеты «Гранит» в шахтах, четыре из них с ядерной начинкой. Да шесть «Гранатов» в торпедном отсеке, из них два также с начинкой. Вот и вдарим по Германии, сотрем пару городов, – высказался представитель БЧ-2 лейтенант Винокуров.

– С ума ты сошел, что ли, хочешь уподобиться американцам в Хиросиме и Нагасаки, чтобы в будущем нас все время в этом обвиняли! – возмутился представитель БЧ-7 лейтенант Леонид Ухов.

– А кто посмеет вякнуть, когда у нас такая дубина. Передадим одну боеголовку нашим, ну и все, что знаем о том, как примерно это работает. Пусть Курчатов со своими парнями под присмотром Берии создают свой вариант, пораньше этих янки.

– Про ядерное пока говорить не будем, – вставил Петрович, – да нам и не удастся ударить по Германии нашими ракетами, дальности не хватит.

– Почему не хватит, подойдем поближе и вдарим, – не унимался Винокуров.

– Ты сам подумай своей мудрой головушкой.

– Ну почему же, – кипел лейтенант.

– А много ты знаешь о войне на море времен Второй мировой?

– Ну, кое-что и знаю.

– Кое-что. А знаешь, сколько англичан с немцами набросали мин в Северное море? Чтобы не соврать – пару сотен тысяч точно наберется. И ты хочешь туда залезть?

– А мы вдоль норвежского побережья. Там глубины большие и мин наверняка нет. Да кроме «Гранитов» у нас два едрён батона на «Гранатах», они достанут любую точку Германии.

– Винокуров! Тебе ясно сказали, ядерная тема пока закрыта.

– Все понял, товарищ командир.

– Так пойдем в Мурманск, – нашелся кто-то в задних рядах, – там и решим, как помочь предкам.

– Ага, сейчас придем, здрасте, я ваша теща, мы пришли на блины, – ответил кто-то говорящему.

– Да, правильно, пока нам нельзя показываться на глаза предкам, – сказал я, – вы сами знаете, слышали или читали, что за времена царили: недоверие, подозрительность, шпиономания. Нам просто не поверят. Во всяком случае, поначалу. Мы обязательно свяжемся с командованием Северного флота, но не сразу. А уже потом – с руководством страны, и втайне от всех союзников и противников. Никто не должен знать о нас.

Интересно, как связаться. Над этим стоит поломать голову.

– Я предлагаю устроить охоту на немецкие корабли, где бы они нам ни попались, – внес предложение подчиненный Бурова лейтенант Малышев. – Когда перетопим некоторое количество, или что-то одно, но очень значительное, помните, Маринеско на Балтике в сорок пятом «Густава», или как он там назывался, утопил, и до сих пор все об этом знают. Вот и нам такую же цель утопить, тогда будет с чем к предкам обращаться.

После такого предложения своего подчиненного заулыбался и сам Бурый.

Предложения, советы, споры продолжались еще с час, после чего все поделились на мелкие группы и стали расходиться по отсекам, продолжая обсуждать и переваривать услышанное.

Итак, мы решили двигаться на север, во время перехода меньше светиться. Ну а если нарвемся на немцев, будем топить, вот будет загадка для союзничков, поломают они свои союзнические головушки. Кстати, от них как раз будем уклоняться, нечего им на нас пялиться. Думаю, нам не составит труда от них оторваться, если повстречаем. После общего обсуждения столь непростой темы с экипажем я понял, что команда нас поддержала. Сейчас надо заглянуть к Санычу, пусть показывает свои записи по истории операций на море, особенно на севере. Кто, когда, какие операции проводил в это самое время. Надо помочь нашим предкам в этой войне, пока инкогнито, кося под англичан, а уж потом открыто. А Малышев молодец, дельную

идею подсказал, как нам выйти на наших. С этим немцем надо тоже основательно поговорить, подыскать для него другое помещение и закрыть.

От Советского информбюро, 3 июля 1942 года

Наша авиация, действующая на Курском направлении, уничтожила несколько десятков немецких танков, до двухсот автомашин, пятнадцать зенитных орудий и взорвала склад с боеприпасами противника. В воздушных боях советские летчики сбили двадцать немецких самолетов и пять самолетов уничтожили на аэродромах.

1942 год, Атлантика, два часа спустя

«И куда мы так спешим на своем корыте? – размышлял механик траулера «Ле Тайгер», ныне боевого корабля английского военно-морского флота. – Поставили пушку времен Первой мировой, пару таких же пулеметов, с десятков глубинных бомб, и вот теперь мы – противолодочный корабль. Какой-то кретин, пролетая на «Каталине», увидел подводную лодку, которая здесь плескалась, и нас погнало это выяснять. Сам бы взял да и выяснил, какого, собственно, она там плескается. У него, видите ли, горючка на исходе была, теперь мы туда ползем. Что мы можем сделать с этой подлодкой, у нас парадный ход десять узлов, а она все пятнадцать может дать, нам за ней не угнаться. Загнать под воду и не давать ей высунуться, чтобы не подзарядилась, пока помощь не подойдет. Да эти горе-вояки из своего антиквариата со ста метров в остров не попадут. А у нее наверняка тоже орудие есть. И комендоры – не чета нашим. Да она за это время уже смылась от греха подальше, конечно, если самолет заметила».

В это время на мостике происходил разговор между капитаном Робертом Арунделом и его артиллерийским офицером.

– Ну что раскис, Генри, сейчас пробежимся туда-обратно, и попадешь ты к своей красотке. Да не переживай, ни одной смазливой девчонки не пропускаешь. И больше трех дней с ними не проводишь, а тут уже скоро месяц, и все с одной. Что, так хороша? Или никак в постель завалить не можешь? Так ты позови нас, мы поможем положить ее, – смеясь, произнес капитан.

– Тебе бы только зубоскалить. Самому погулять нельзя, женатый ты наш, вот и завидуешь.

– Удачливый. Смотри, наломают тебе бока обиженные родственнички обиженных девочек, оторвут, что в штанах болтается, кому тогда ты нужен будешь такой удачливый.

– Не оторвут, не дамся, вы же поможете отбиться, а я их всех передам вам в наследство, чтобы никто не завидовал. А на этой я решил жениться. Она такая! Такая!..

– Сэр, слева на десять какой-то мусор плавает и, похоже, масляное пятно, – доложил сигнальщик.

– Сейчас глянем, что за мусор, может, лодка кого-то отправила на дно морское, пока мы сюда топали. Хотя маловероятно, далековато от основного маршрута, да и мусора маловато для корабля.

– Всем смотреть в оба! – крикнул Генри, глядя на свое разношерстное воинство, копошащееся у пушки.

– Подходим, смотреть внимательно, – раздался голос капитана.

– Человек за бортом, похоже, утопленник, – заключил сигнальщик.

«Нам тоже надо быть осторожнее, а то словим рыбку в борт и рядом с этим плавать кверху брюхом будем», – размышлял Генри, глядя на труп.

– Эй, рулевой, держи поближе к трупам, машина, самый малый вперед! – крикнул капитан в переговорную трубу. – На палубе! Определить сможете, какому флоту принадлежит этот рыбий корм?

– Судя по форме – это ганс.

– Вот так дела, и как он здесь оказался? Упал с лодки и утонул? Тогда откуда этот мусор и пятно? Кто-то же отправил этих на дно, а нас не предупредили. На фиг мы плелись сюда, как полные идиоты? Вот вернемся на базу, все им выскажу по этому поводу.

– Акустики, что слышно под нами? – спросил капитан в открытую дверь рубки.

– Пока ничего не прослушивается.

– Слушать каждый шорох. Эй, на палубе! Попробуйте выловить этого фрица на ходу, сейчас мы сделаем второй заход на него.

После третьей попытки тело выловили из воды. Это в самом деле был немец, и не рядовой, а командир подводной лодки, судя по бумагам, найденным в его карманах.

– Радиста мне, – приказал капитан.

Через минуту тот стоял перед капитаном.

– Так запроси базу. Не был ли кто в этом районе, не встречался с подводной лодкой? Может, какой-то конвой проходил за последние сутки или корабли охранения производили бомбометание.

Через полчаса пришел ответ, что за последние трое суток через этот район корабли вообще не проходили. Что же случилось с этими гансами, кто их отправил на дно?

– А может, у них случайно торпеда взорвалась, – предположил Генри, – и отправила всех на небеса, хотя нет, в ад?

– Ну, в таком случае мы запишем себе на счет эту победу. Доказательство победы на палубе лежит, сейчас еще пару обломков вытащим, и награда в кармане, – распорядился капитан. – Думаю, возражений не последует. Молчание – знак согласия. Ну вот и хорошо.

– Капитан! На дне что-то происходит. Удары чем-то металлическим о металл, пеленг семь градусов на восток, – послышался голос акустика. – Похоже, у них там большие проблемы.

– Вот видишь, Генри, не все еще фрицы в ад попали, иные водичку хлебуют, упираются, очень жить хотят.

– Капитан, может, поможем гансам туда попасть быстрее, не станем разочаровывать, сбросим парочку проездных билетов на тот свет. Машина, полный вперед, руль вправо, приготовиться к бомбометанию.

Таким вот странным образом на счету противолодочного корабля «Ле Тайгер» появилась неожиданная, но очень желанная победа над подводной лодкой U-215.

Глава вторая

Океанские просторы Атлантики

Сидя у себя в каюте, я задавался единственным, хотя и бесполезным вопросом: почему это случилось именно со мной, с нами? Невозможно, чтобы это было правдой, слишком уж невероятно! Что делать? Воевать ли? Как?

Придется выкручиваться из этой ситуации. И воевать придется, отсидеться где-то в укромном местечке не удастся. Ну что ж, воевать так воевать.

Просматривая подборку по истории войны на море, составленную Санычем, я понял, что в одном очень трагическом моменте войны мы помочь не сможем. Имеется в виду разгром конвоя PQ-17. Мы просто не успевали его догнать, даже идя с максимальной скоростью. Вот если бы нас забросило сюда на неделю раньше, мы бы им устроили ледовое побоище, хотя от подводных лодок мы и отбили караван бы, с авиацией была бы проблема в связи с маленьким боезапасом зенитных ракет.

Выбьем все крупные корабли у немцев, тогда англичане не будут шараться от своей тени и будут посылать свои конвои чаще. Отбиться от авиации и подлодок, надеюсь, у них сил хватит. Также подкорректировать операцию «Вундерланд» мы в состоянии. По этому поводу у меня сложилась одна задумка, как напасть на немцев. Первым делом я вызвал лейтенанта Ухова. О таких, как он, говорят, что они могут из утюга, электробритвы, радиоприемника и пары гвоздей изготовить ЭВМ.

– Леня, ты у нас большой спец по радиоэлектронике, так вот, в первую очередь от тебя требуется перенастроить нашу аппаратуру, кроме того, нужен дешифратор для прослушки всех частот и корреспонденции. Короче, мы должны знать все, что делается в океане. Ясно?

– Так точно. Сделаем, товарищ командир.

Третьи сутки меряем мили винтами в этом времени.

За это время мы прошли более полутора тысяч километров, двигаясь на двухсотметровой глубине, иногда выпуская хвост, прослушивали океан на много миль вокруг. За три дня у меня побывал, наверное, каждый третий член экипажа со своими идеями и соображениями по поводу последующих действий в этой войне. Мысли о том, как изменить ход событий, были частично стоящие, частично – не очень. Зашел ко мне и Валентин Григорьевич и сразу, как говорят, рванул с места в карьер.

– Михаил Петрович, я тут на сутки как бы выбыл из общего дела, даже можно сказать, по боевому ранению, – и показывает на свой гипс. – Однако поговорил с народом и выяснил, что принято решение идти на север и помогать СССР в войне с фашистами. Я на все сто с вами. Вы знаете, что я еще при Брежневле поступил в Киевское военно-морское политическое училище; если можно так выразиться, я вскормлен советской властью. Я на десять лет вас старше и очень хорошо знаю, чего достиг тогда *Союз*, а теперь что от него осталось? Я почему тогда ушел с флота, еще кое-как я терпел этого Горбача, так как *Союз* был единым. А вот после того, когда развалили его и начали все уничтожать и распродавать... И глядя на это, сердце кровью обливалось, я и ушел с флота, как больно мне ни было. Теперь нам выпал шанс предупредить руководство страны, и предотвратить многие совершенные ошибки, и не допустить в будущем развала страны. Так что предлагаю сразу пойти к Архангельску – в Мурманск соваться опасно, фронт слишком близко – и связаться с представителями советской власти.

– Валентин Григорьевич, вы же понимаете, именно в данный момент мы не можем вот так сразу заявиться к нашим. Что вы им можете сказать? Дескать, прибыли из будущего и хотим поговорить с кем-то из правительства. Вам не поверят, пошлют самолеты и корабли,

чтобы нас потопить. Мы обязательно свяжемся с ними, когда этого они сами захотят. А они обязательно захотят.

– Хорошо, уговорили. Возможно, есть в ваших словах рациональное зерно. Немного подождем. Пойду я, как говорится, к народным массам, надо поговорить с каждым в отдельности. Мы теперь оторваны от дома, разделены не только расстоянием, но и, как оказалось, десятилетиями. Мало ли, кто-то что-то там оставил, их надо поддержать, чтобы легче переносилась разлука с родными, любимыми.

После этого разговора Комиссар развил бурную деятельность, такие стал толкать патристические речи, Ленин с Троцким чаю попьют! Если бы лодка сейчас не находилась под водой посреди океана, мой экипаж уже бежал бы на фронт убивать фрицев голыми руками.

Атлантический океан как пустыня. В эту войну, в отличие от первой, союзники сразу ввели систему конвоев, но нашлись смельчаки, рисковавшие в одиночку пойти через океан. А шансы посреди океана встретить одинокого нейтрала, английский крейсер, немецкий рейдер или блокадопрорыватель из Японии ничтожно малы. Мы тоже не в претензии. До чего же хорошо – когда против тебя нет ни лодок-охотников, типа «Лос-Анджелес», ни постоянно висящей над головой противолодочной авиации с радиогидроакустическими буями, ни проклятия наших подводников – стационарной акустической системы, которой янки перегородят всю Атлантику в семидесятых. Надводные корабли, эсминцы или фрегаты? – их сонары мы услышим задолго до того, как они сумеют обнаружить нас. И легко уклонимся – океан бесконечен; впрочем, даже если нас каким-то чудом обнаружат – самонаводящихся по глубине торпед еще нет, а преследовать эсминцы не смогут, скорости-то хватит, но больше чем на двадцати узлах даже БПК конца века уже не слышали ничего, кроме собственных винтов. И опускаемых, глубоководных, буксируемых ГАС тоже нет. Нет, естественно, мин в открытом океане – и не только якорных или донных, что были уже в эти времена. Но и «кэпторов», очень поганая такая хрень, контейнер на дне, с самонаводящейся противолодочной торпедой, запуск по шуму винтов. Ничего этого пока нет и не будет лет тридцать, лафа, – и мы беспрепятственно идем на север, к Европе. К фронту. На фронт.

Вчера экипажу показывали фильм «Они сражались за Родину» с Шукшиным. Наш Комиссар после просмотра толкнул речь, поддержал, так сказать, боевой дух личного состава. Конечно, кто-то жалел об оставшихся там родных. Но были и не сожалевшие. Например, главстаршина Сорочьев.

– Детдомовский я, тащ кавторанг. Никто меня там не ждет. Может, повезет, после войны обязательно поступлю в военно-морское училище. Офицером стану, как вы. Отец мой умер, мать – алкоголичка. Как Ельцин пришел – так и начали. Может, теперь не будет никакой перестройки. А Сталин, что Сталин? Он-то уж точно Родиной торговать не будет и другим не даст. Если бы еще Ельцина с Мишкой Меченым в ГУЛАГе сгноил, совсем было бы хорошо!

После этого Григорьич явился ко мне повеселевший.

– Воевать можно, командир. Признаться, я худшего ожидал. Вплоть до открытого неповиновения. Теперь я уверен в каждом члене экипажа, никто не подведет, все выполнят свой долг до конца.

Так что идем крейсерским ходом. Курс норд-ост, сорок пять, на ста метрах.

– Командир, впереди по курсу множественные шумы винтов, пеленг триста пятьдесят! Удаление сорок пять миль, – поступило донесение с центрального от Петровича. – Если будем идти с этой скоростью, догоним через пять часов.

– Наблюдение вести постоянно. Обо всех изменениях обстановки докладывать сразу. Пока идем на сближение.

Хорошо, если конвой, а корабельная поисково-ударная группа? Хотя, помнится мне, такие группы из авианосца-эскорта с десятком «Эвенджеров» и трех-четырёх эсминцев союз-

ники начали массово применять только в сорок третьем. Возможно, мы наткнулись на одну из первых? Время еще есть – уклониться успеем.

Наконец стало ясно – конвой, так как акустика выделила больше трех десятков надводных целей. Корабельные группы такими не бывают. Разве что штатовцы решили перебросить в Англию пару линкоров и авианосец со всем подобающим эскортом. Но нет – винты явно гражданских судов.

– Вправо, курс восемьдесят пять! Боевая тревога!

Догоняем конвой, но акустики доложили, что позади основного конвоя слышны шумы трех судов,двигающихся тем же курсом.

– Или это группа прикрытия, или отстающие суда, – предположил Саньч.

Акустики подтвердили его предположение, распознав шумы двух больших транспортов и одного малого.

– Ну, малый может быть и эскортом, – предположил Петрович.

Через час мы догнали концевые корабли. Как мы и предполагали, это были два больших транспорта в двенадцать – пятнадцать тысяч тонн, шедшие под охраной корвета. До основного каравана им оставалось пройти мили три.

И вдруг выкрик акустика:

– Шум винтов, подводная лодка, двадцать справа, дистанция три тысячи. Скорость четыре, идет на пересечение курса с отстающими судами. Не успела выйти на конвой, как ей крупно повезло с этими двумя отстающими или догоняющими. Сбылось-таки.

– Акустик, «портреты» пишешь? – спросил я.

– Так точно, тащ каперанг!

Только определить бы подробнее, что есть что! У каждого типа корабля или судна есть свой уникальный акустический «портрет», позволяющий опознать под водой – с кем имеем дело. Но если по кораблям начала двадцать первого века у нас было полное собрание (и наших, и штатовских, и прочих стран, – а вы думаете, зачем друг за другом слежение ведут в мирное время – и за этим тоже!), то вот сейчас возник громадный пробел.

– Боевая тревога! Сережа, что в аппаратах?..

– Две УГСТ и две пятьдесят третьих.

– Отлично!

– Атакуем, командир?

– Ждем пока. Если нас обнаружит этот корвет, хотя маловероятно.

Ныряем на семьдесят. Не хватало еще попасть под раздачу.

Когда диспозиция уже срисована на планшет, по изменению пеленга вполне можно следить за обстановкой в пассивном режиме.

– Ну, акустики, не подведите!

– Слышу пуск торпед! Не по нас – пеленг три, дистанция две тысячи пятьсот.

Ожидание пара минут. Взрыв! Второй! Ничего не слышу. Хотя читал, что наши подводники при удачном попадании слышали это без всякой акустики.

– Цель один поворачивает вправо, пеленг...

Так, корвет, естественно, спешит на помощь. Не предотвратить, так хоть отомстить.

– Лодка поворачивает влево. Пеленг два, один, ноль.

– Саньч! У «семерок» немецких как быстро перезаряжались аппараты?

– Не меньше десяти минут! Могло и двадцать.

– Цель один – дистанция две тысячи, пеленг...

Похоже, фриц не успевает. У корвета скорость больше.

– Лодка замедляет ход. Глубина сорок.

Упертый фриц решил переждать, авось англичанин его не заметит, проскочит дальше. А это мне ну очень не нравится, потому что тогда он выйдет прямо на нас. Пожалуй, зря поспешил на имитатор. Если корвет минует немца, нам придется уходить. И отрываться на скорости. Не угнаться за нами «цветку» с его парадными шестнадцатью узлами. А портрет «немки» мы срисовали хорошо. Интересно, это «семерка» или более крупная, «девятка»?

– Корвет поворачивает на другой курс. Слышу взрывы глубинных бомб!

Засек все же. Ну, доигрался фриц!

– Лодка резко уходит влево! Пеленг триста пятьдесят, дистанция тысяча пятьсот. Конвой на удалении шести миль. Весь конвой меняет генеральный курс! К норду!

Облом тебе, фриц, даже если вывернешься, караван к тебе кормой. Уже не достанешь! Слежу за планшетом, пытаюсь оценить обстановку.

Корвет заходит на лодку снова. Бомбит. Акустик докладывает о «непонятном звуке». Корвет возвращается к тому месту, где было потоплено судно, чтобы подобрать выживших. Но после попадания двух торпед судно так быстро ушло на дно, что спасти практически некого, за исключением трех матросов посреди океана, державшихся за обломки уничтоженного судна. Подобрал их, корвет бросился догонять судно, которое изо всех сил спешило догнать караван.

– Лодка уходит влево... пеленг... дистанция четыре тысячи метров.

Живой, паразит!

– Акустик, что за звук был? Похоже на разрушение корпуса?

– Нет, тащ командир, больше на выстрел воздухом из аппарата!

Ясно. Слышал про этот трюк еще в училище. Сунуть в аппарат заранее взятый мешок со всяким мусором и дерьмом, на поверхности хороший такой пузырь, дрянь плавает, можно еще топлива немного добавить – полная иллюзия, что лодка погибла.

Что ж, посмотрим, что фриц будет делать дальше! Любопытно. Попаданий два – все в одного или двум сразу прилетело? Наверное, нет. Второй транспорт скорости не сбросил, а даже прибавил, значит, ему крупно повезло.

Проходит час. Конвой скрывается за горизонтом.

– Лодка продувает ЦГБ!

Фриц решил всплыть. Резонно, зачем ему тратить заряд аккумуляторов?

Мы ждем с единственной целью: взглянуть, ЧЕЙ портрет мы записали – «семерки» или «девяти»? Тоже всплываем под перископ.

– Саньч, глянь!

Штурман смотрит и выносит вердикт:

– «Семерка», похоже. По пропорции рубка-корпус. У «семерки» рубка точно в середине, а у «девяти» чуть сдвинута в корму. «Семерка», однозначно.

Фриц тем временем резво идет под дизелями. В сторону ушедшего конвоя! Чуть забирая к югу. Упертый попался! Его ход семнадцать, и он легко обгонит караван, держась чуть в стороне. Ясно, отчего к югу: если конвой, идя на восток, отклонился на север, скоро вернется на прежний курс, а фриц просто срежет угол напрямую.

– Лодка ведет радиопередачу кодом! Записано.

И без расшифровки ясно – докладывает об обнаруженном конвое, его составе, месте, курсе, скорости, следующей лодке завесы. Или наводит на него всю стаю. В следующий раз на караван выйдет уже теплая компания!

Да, сейчас мы узнали, как немцы едва не поставили Британию на колени. И как англичане все же отбились. Фриц – опытный подводник, умелый и не трус. Интересно было бы с ним встретиться в бою на симуляторе в училище. Подводная дуэль, кто кого?

Также интересна его реакция на нестандартную ситуацию. Что там писали про тупой немецкий шаблон? А ведь это – наш будущий противник, когда мы придем на север. Изучить его сейчас почти в лабораторных условиях никто нам не помешает – океан чист.

– Курс сто, скорость шестнадцать, глубина пятьдесят.

Идем почти в кильватер немцу, отставая от него мили на две.

– Акустик в активном режиме, мощность максимальная, фокусировка максимальная, по немецкой лодке!

Я успел хорошо изучить Санычевы материалы по немецким «семеркам». Основная «рабочая лошадка» кригсмарине, весьма удачная, надежная, хорошо сбалансированная. На сорок первый, пожалуй, лучшая лодка в мире, да и в конце войны не сильно отстала. Но вот гидролокатора на ней не было. Никогда. Был очень хороший шумопеленгатор с одним лишь недостатком: «мертвый угол» за кормой.

Сейчас фриц задержится. От такой мощности сигнала корпус цели звенит, как посыпаемый песком. Определить, кто его облучает и откуда, не сможет. Зато хорошо знает, для лодки это самое страшное, что может быть. Естественно, перед попаданием торпеды.

Пытается прибавить ход. Ну-ну! А вот те хрен! Мыто и тридцать можем выдать, а он... Если попытается повернуть, чтобы вывести нас из «мертвого угла», акустики доложат, пеленг меняется, ну и мы тоже облучение прекратим. Что он тогда предпримет?

– Лодка пошла на погружение!

Разумно, потому что в те времена лодки под водой были абсолютно неуязвимы (ну если только таранить) – не было торпед, идущих на глубину. И предсказуемо, потому что у нас такие торпеды *есть*.

– Сергей Константинович, – обращаюсь я, – одна цель, одна торпеда!

По тактике положено стрелять двумя. Это если цель активно ставит помехи, сбрасывает имитаторы, имеет хороший ход. В данном же случае промах невозможен, даже теоретически. Жалко тратить невозполнимый боезапас. Утешает лишь то, что фриц, судя по всему, тоже не из последних, а значит, его гибель – ощутимая потеря для кригсмарине.

Ты был хорошим подводником, неизвестный фриц. Мне действительно интересно встретиться с тобой после войны, поговорить на профессиональные темы. Если, конечно, на тебе нет *нашей* крови. Надо уточнить у Саныча, лодки, действующие в Атлантике против союзников и бывшие в Норвегии против нас, принадлежали разным флотилиям? Если топил одних лишь англичан, мне совсем их не жаль, как ни странно. Известно, что в те годы многие простые люди – и моряки, и солдаты – относились к Советскому Союзу с искренней теплотой и дружелюбием. Но также известны слова старого борова Черчилля: «Хорошо, если последний русский убьет последнего немца и сам сдохнет рядом». Или это Трумэн сказал? Не важно, судя по тому, что началось потом, зато ясно, *кто* решал, куда вам идти. Если ты топил лишь англичан с американцами – лично мне нечего с тобой делить, хотя, возможно, здесь срабатывает «послезнание», отчего я сейчас воспринимаю так называемых союзников едва ли не самыми большими врагами, в отличие от битых в будущем немцев.

– Слышу взрыв! Звуки разрушения прочного корпуса!

Торпеда УГСТ (универсальная глубоководная самонаводящаяся) на конечном участке пути до цели включает малозумный водометный двигатель, чтобы потенциальные утопленники не успели испугаться. Ты так и не понял, фриц, откуда пришла смерть, может, даже в последние секунды радовался, что сумел оторваться. Дай Бог тебе быстрой и легкой смерти, быть раздавленным ворвавшейся внутрь водой, чем умирать долго и мучительно, заживо погребенным в лежащем на дне стальном гробу. Впрочем, глубины здесь километровые, так что тебе это не грозит.

Однако надо обратиться к экипажу.

– Товарищи моряки! Поздравляю вас с нашей общей победой. Только что нами была атакована и потоплена немецкая подводная лодка «тип семь», водоизмещением девятьсот пятнадцать тонн, с экипажем сорок четыре человека. И эти фашисты никогда уже не совершат гнусных преступлений. Подобно тому, как в *нашей* истории лодка U-209 того же типа возле острова

Матвеева в Карском море, утопив наш буксир с баржой, всплыла и расстреливала в воде наших людей – триста человек! Другая лодка, U-255, потопив наше судно «Академик Шокальский», после подъема также расстреляла наших выживших из пулеметов и автоматов. И это лишь те преступления, о которых стало известно. Не мне вам говорить, как море умеет хранить тайны. Таков моральный облик нашего врага, фашистских головорезов, палачей и убийц, вообразивших себя сверхчеловеками – господами над всеми, ну а мы, естественно, по их мнению, имеем право жить лишь как их рабы! Мы попали, пусть не по своей воле, на великую войну, когда речь идет о самом выживании нашего народа. Сейчас враг силен, но мы знаем, что однажды мы уже победили его. Так сделаем это второй раз, чтобы нашим дедам и отцам не было за нас стыдно!

Я оглядываюсь. Все присутствующие, включая матросов, впечатлены!

– Спасибо, командир! – проговорил кто-то. – Правильные слова.

Вот зачем мы тратили торпеду. Споры о том, что дороже – стандартная немецкая «семерка», пусть даже с очень хорошим командиром, или ценный невосполнимый боеприпас, – неуместны.

После уничтожения подлодки и догнав конвой, идем параллельно. Нас не обнаружить – слишком далеко. Хотя слышим работу как минимум одного гидролокатора. Сан Саныч по пеленгу определяет цели. Примерная дистанция, курс, скорость – картина ложится на планшет. Акустикам напоминать не надо – уже «пишут».

Решаемся всплыть под перископ, надеясь на его противорадарное покрытие. Впрочем, в срок втором радары на корабле союзников – это из области фантастики.

Я ожидаю увидеть СИЛУ. Вспоминая плакат времен училища: тридцать судов шестью кильватерными колоннами идут параллельно друг другу огромной «коробочкой». При них должны быть эскортный авианосец или, на худой конец, МАС-шип – торговое судно, оборудованное полетной палубой, ангаром и катапультной для трех-пяти самолетов. Не менее десятка кораблей эскорта – эсминцев, фрегатов. Поодаль – соединение поддержки, не связанное общим строем. Крейсер и три-четыре эсминца, а то и линкор вместо крейсера.

Вижу, впереди идут коробочки, зарываясь в волны, отчаянно дымят четырьмя трубами пара корабликов, очень похожих на наши древние эсминцы-новики времен Первой мировой. По флангам чуть впереди – один слева, другой справа – идут два траулера. Очень похожи, но в силуэте прослеживаются черты военного корабля – «заостренность», не говоря уже о пушке на полубаке, не менее сотки или даже пятидюймовки, как на эсминце. И наконец, замыкает строй пара траулеров, тоже со стволами малого калибра. Они зарываются носом в набегающие волны, и вода потоком обрушивается на палубы и разбивается о надстройку. И как они еще не разваливаются от ударов волн.

Наверху было сильное волнение. Подходящая погода для атаки подлодок, поскольку очень трудно визуально обнаружить перископ при таком волнении, да и след от торпеды можно увидеть только в последний момент перед попаданием.

Впереди, обогнав конвой на семь миль, шел отряд прикрытия, состоявший из тяжелого крейсера «Уичита» и трех эсминцев типа Бенсон/Гливс, которых мы отсюда не видим, но слышим. Их мы распознали потом. И никого более в радиусе полусотни миль.

– Саныч, глянь, – уступаю место штурману.

– Акустик, пиши! – Штурман собран и деловит. – Цель номер два и три. Эсминцы типа «Таун». «Гладкопалубники» образца шестнадцатого года, из той полусотни, что штатовцы уступили англам за базы в их полушарии. Цель один и четыре – корветы, тип «Флауэр». Спасители Британии в битве за Атлантику, построено аж двести штук, несут одну сотку и пару «хенджегогов». Не РБУ-6000, конечно, но близко к ним подлодке лучше не подходить. Купцов три десятка, тоннажем от трех до десяти тысяч. Цели тридцать четыре и тридцать пять

– вооруженные траулеры. Хотя нет, похоже, один большой морской буксир-спасатель. У меня все. Можно нырять.

– Уходим на глубину. Курс и скорость прежние – параллельно конвою. А что, авиационного прикрытия в виде эскортника нет?

– Все это позже будет, – отвечает Саныч, – ну а пока самый первый британский эскортный-авианосец «Одессите» вошел в строй в июне сорок первого. Потоплен в декабре. После него, в первой половине сорок второго, у бриттов прибавилось лишь четыре «Арчера» от штатовцев. Притом что сами юсы имели лишь один типа «Лонг-Айленд» сорок первого года выпуска, пятый «Арчер» оставили себе от британского заказа. К сорок третьему развернутся и начнут эскортники сотнями штамповать. Некто Кайзер, владелец верфи в Ванкувере, брался сто штук построить за год с нуля, но получил заказ на полсотни и лепил тип «Касабланка», одиннадцать тысяч тонн, двадцать семь самолетов. На все про все – сто двенадцать дней от закладки до принятия флотом. О прочих мелочах вообще молчу – эсминцы, фрегаты, корветы, – по-нашему, МПК, сотнями и тысячами! Одних лишь эсминцев типа «Флетчер» сто семьдесят пять штук за три года, но это только еще БУДЕТ. Перелом в битве за Атлантику наступит в апреле – мае сорок третьего. Сейчас немецкие подводники на флоридские пляжи высаживаются, отдохнуть! Но положение начинает меняться – не все коту Масленица, – хотя кораблей союзникам отчаянно не хватает и тактика еще не отработана. Можно сказать, в Атлантике сейчас неустойчивое равновесие, пока, пожалуй, немного в пользу немцев. Англичане очень удачно решили с этими «цветами»². Корпус и паровые машины гражданского судна очень дешевы в постройке и просты для вчерашних рыбаков, но достаточно серьезный враг для *тех* подлодок. Имеют, по сути, такую же противолодочную огневую мощь, что настоящие эсминцы, не говоря уже об этих бывших американских переделках. У *тех* один лишь плюс – гидроакустика: англы, только получив, сразу их перестраивали. Снимали половину или все. Торпедные аппараты заменяли одним из «родных» орудий времен Первой мировой на современную «универсалку» и ставили сонар. Вообще-то типовой охраной атлантического конвоя, утвержденной в марте сорок второго, были два эсминца и четыре корвета, но после беспредела, учиненного немецкими подводниками в американских водах, союзникам потребовалось много кораблей. Таким образом, эсминцы старые, а вместо двух корветов бог знает что!

– А северные конвои? – недоверчиво спросил я. – Семнадцатый ведь два линкора имел в эскадре поддержки, а раз линкоры, сколько же эсминцев?

– Семнадцатый и был по тому времени уникальным, – сказал Саныч, – потому и обидно, что его профукали! Но на севере охрана вынужденно была посильнее, там к немецким базам ближе. В реале PQ-12 на шестнадцать транспортов имел крейсер и четыре эсминца. Следующий, тринадцатый, на девятнадцать купцов крейсер «Тринидад» и три эсминца. PQ-15 – двадцать три судна, два крейсера, один крейсер ПВО, девять эсминцев и три траулера. Ну а мощь, когда на каждый транспорт по одному, а то и два корабля охранения, – это уже сорок третий. Кстати, к концу войны, когда опытных немецких подводников выбили, а союзники приобрели опыт, охрана конвоев снова стала меньше.

На военно-исторические темы Саныч может говорить часами, если его не остановить.

– Саныч, скажи, какова вероятность, что этот конвой в ближайшее время встретит немецкую лодку?

– Довольно большая. Тактика у немцев к сорок второму была уже отлажена, да и конвои шли одним и тем же путем. Это позже появились смена маршрутов и патрулирование всей зоны поисковыми группами с авианосцами. В сорок первом немцы активно применяли «кондоры»-разведчики с французских баз в связке с подлодками, в сорок втором это как-то сошло на нет, но в июле эпизодически еще было. Наша утопленница уже все данные о конвое пере-

---

² Flower (англ.) – цветок, корветы этой серии имели «цветочные» названия.

дала, так что в ближайшее время жди гостей, и не одного, а больше. Хочешь помочь союзникам, командир?

– Нет. Но нам желательно получить «портрет» еще какой-либо немецкой подлодки, кроме «семерки». Не дай бог, на севере свою «щуку» утопим! Чем искать немецкие лодки в океане, лучше ждать там, куда они сами придут.

– Разумно, командир!

Идем на правом траверзе конвоя, расстояние безопасное. Вахта обычная, боевая готовность понижена – нет нужды изнурять людей. Пришлось лишь, ради тишины, отменить очередной киносеанс, пообещав показать завтра. А так – идиллия.

Так мы двигались до часу ночи следующего дня, изредка включая активный поиск. И вот после часа поступил доклад, что в двадцати милях по курсу появились отметки трех целей. По пути в центральный меня перехватил кап-три Большаков.

– Товарищ капитан первого ранга, разрешите обратиться. Михаил Петрович, я понимаю, сейчас не до меня и моей команды, но хотел бы поговорить о ваших планах на нас. В данный момент мы пассажиры и конкретных обязанностей, кроме как приглядывать за нашим гостем, не имеем. А как быть, когда придем на место?

– Не беспокойся, для вас работа всегда найдется с вашей-то подготовкой. Есть у меня одна задумка, пока не буду говорить, вот придем домой, тогда и обсудим. Пока отдыхайте, набирайтесь сил.

– Ну и что за цели вы обнаружили, Павел Васильевич, – спросил я в центральном командира БЧ-7 каптри Иванова.

– Да вот, товарищ командир, обнаружены три цели. По параметрам сигнала это подводные лодки, расположились впереди по курсу каравана, две с севера, одна с юга. Портреты двух подлодок совпадают с предыдущей «семеркой», а вот у третьей портрет незнакомый, но шестьдесят процентов совпадает с предыдущими. Сейчас они идут навстречу каравану и находятся в двадцати милях от него. Пока его не видят, но через час-полтора увидят, тогда и будут выходить на позицию.

– Так, понятно, а где крейсер со своим эскортом?

– Впереди. Идет противолодочным зигзагом, оторвался миль на восемь.

– Значит, его они уже засекали?

– Возможно.

– А через полчаса и атаковать смогут?

– Это вряд ли. Им нужен караван, а не боевые корабли. Хотя, кто их знает, могут и на крейсер позариться, все-таки американский тяжелый, цель заманчивая, около пятнадцати тысяч тонн водоизмещение, 9+203 8+127 и куча мелких орудий. Будет престижно утопить. Да, могут и атаковать.

– Какая из трех неопознанная?

– Одна из двух, которые собираются атаковать с норда, и находится дальше всех.

– А та, что выдвигается с юга? Она же может атаковать крейсер, если он будет идти тем же противолодочным зигзагом, то через двадцать пять минут как раз выйдет на позицию южной подлодки.

– Ну что, мужики, поможем америкосам дойти до Англии или пусть немцы их топят, потом, глядишь, на будущее их меньше останется, когда холодная война начнется. Нам от этого ни холодно ни жарко, главное – транспорты, может, на них есть груз в Россию.

– Ответа не последовало.

– Значит, так. Сейчас отрываемся от конвоя, по дуге обгоняем группу прикрытия и выходим в тыл подлодке, поглядим на нее.

Мы начали увеличивать скорость, обгоняя конвой, но за нами увязался один из эсминцев, он засек нас гидролокатором и пошел на перехват. От этой затеи ему пришлось отказаться, так

как он не мог поддерживать нашу скорость. Да и потом, они были не уверены, что преследуют подводную лодку. Какая лодка может передвигаться со скоростью автомобиля, это просто сбой аппаратуры или черт знает что, посчитали они. После пары миль погони они повернули назад.

Если южная лодка надумает атаковать крейсер, ей будет не до конвоя, на нее насядут два эсминца.

– А может, поможем крейсеру, – предложил Григорьич, – пока пусть помогают фашистов бить, а там видно будет.

– Григорьич, что там видно будет, мы не знаем, может, после атаки нас снова в наше время забросит, вдруг мы здесь оказались ради спасения одного из этих судов. Этих крейсеров у америкосов и так будет до фига. Одним больше, одним меньше. Посмотрим, кому принадлежит этот портрет.

Расстояние, где лодки ожидали в засаде, мы проскочили менее чем за час. За три мили резко сбросили скорость, для определения точной дислокации лодок ненадолго включили гидролокатор. Через несколько секунд картина диспозиции стала ясна. Мы вышли к лодкам с вестнорда почти между ними. Ближайшая к нам – по портрету «семерка» – после облучения гидролокатором быстро пошла на погружение (от греха подальше, если не знаешь и не видишь, кто тебя облучает, лучше отсидеться под водой), но она нам была не нужна. Нам надо выяснить, к какому типу принадлежит следующая. Мы направились в ее сторону. Приблизившись на милю с небольшим к ней, увидели, как она вдруг тоже начала погружаться, но осталась в позиционном положении. Над водой торчала только рубка и половина переднего орудия.

– Сан Саныч, ты сможешь определить по рубке, что это за лодка?

Саныч припал к окуляру и долго вглядывался, затем начал перечислять:

– У «девятки» орудие стоит дальше от рубки и крупнее калибром, стопятимиллиметровая вместо восьмидесятивосьмимиллиметровой, за рубкой двадцатимиллиметровая зенитка стояла только на 7А, у остальных их подняли на первый ярус рубки. Здесь на палубе зенитный автомат, крупнее чем двадцатимиллиметровый, на первом ярусе мелкокалиберный зенитный автомат. Это лодка типа 9А.

– Ты уверен в том, что это не «десятка»? Помню, на фотографиях и схемах они очень похожи друг на друга.

– «Десятка» – это минный заградитель, тут ему просто делать нечего.

– Тащ каперанг, лодка продувает ЦГБ.

Саныч опять прильнул к окуляру и торжественно произнес:

– Командир, посмотри и скажи, прав я или нет.

– Ладно, узнали, что надо, теперь уходим. Включите гидролокатор на полную, пусть гансы понервничают. Сан Саныч, принимайся за свою работу, прокладывай курс к родным берегам.

– Курс тридцать, глубина сто, ход крейсерский.

Мы идем на север с небольшим отклонением к востоку.

Экипаж, пусть даже прошедший десятки, сотни УЧЕБНЫХ боев и одержавший хотя бы одну РЕАЛЬНУЮ победу над реальным врагом, – ОГРОМНАЯ сила. Самураи называли это когда-то путем воина – «буси-до». В ожидании того, что предстояло совершить, нам потребуется ИМЕННО ТАКОЙ экипаж.

Вечером, как обещали, в столовой показывали кино. На этот раз «Горячий снег».

Сидя взаперти, Херман думал: «Куда я попал, эти русские какие-то неправильные, три раза поговорили, именно поговорили, а не допросили и оставили в покое. Да и форма у них совсем другая, синяя. Какие-то красные банки на боку болтаются, как у наших солдат контейнеры для пайка. Форма с погонами у доктора в шкафчике висела. У комиссаров погон нет. Они больше похожи на бывших офицеров царского флота, которых я видел в юности. А эти надписи в лазарете на приборах, много надписей латинскими буквами и по-русски. Самое неверо-

ятное – иероглифы, похоже, японские. Да и сами приборы и приспособления откуда? Для чего предназначены? А лодка? Где можно построить такого монстра, и, главное, кто построил? И что за двигатели здесь? Дизеля? Это ж сколько их должно стоять, чтоб двигать такую махину? На «Дойчланд» их восемь штук, так у него на ходу заклепки вылетали от вибрации. Здесь же она ощущается слабо. Это ж какие ж тут электродвигатели и батареи должны быть, чтобы все работало. Освещение просто неопишимо, не наши тусклые, как от карманного фонаря, лампочки. Про еду и говорить нечего, всегда горячая, из трех блюд, даже масло натуральное и свежие овощи. И вот что интересно, в лазарете какой-то журнал, как показалось, за 2011 год. После трех дней размышлений приходит мысль, что они из будущего. Кстати, они удивились тому, что сейчас 1942 год. Если они из будущего, значит, войну не проиграли. Может, отошли за Урал в Сибирь и там закрепились. Или что, Германия войну проиграла, а Россия выиграла и весь мир завоевала? Откуда эти надписи на приборах? Может, война по-прежнему продолжается и весь мир помогает Советам. Или это уже следующая война, но опять против русских. Надо поговорить с тем богатырем, вдруг что-то расскажет, развеет сомнения по этому поводу».

Глава третья

Прибрежные воды Норвегии

На переходе между Англией и норвежским побережьем я собрал оперативный штаб, в который вошли Петрович, Саныч, Триэс, Большаков и командир БЧ-4 кап-три Владимир Александрович Понамарев. Седьмым стал наш замполит Валентин Григорьевич Елезаров.

– Итак, мы подходим к родным берегам, каковы наши последующие действия, с чего начнем?

– Я бы ударил по Киркенесу, у немцев там передовая база снабжения, – предложил Триэс, – этот порт у наших как кость в горле, сколько сил и средств угробили, самолетов потеряли, а порт так и принимал суда до последнего, пока в сорок четвертом году его не взяли. Если мы его разрушим, немцам придется разгружаться за триста километров от линии фронта. Думаю, восьми ракет хватит, чтобы минимум полгода порт не работал. Там еще рядом аэродром. Во время войны был главной авиабазой, а в наше время стал аэропортом. По нему и вдарим. Точные координаты обеих целей в базе данных у нас есть, четыре штуки бросим, и им хватит.

– Ага, щаз! – возмутился Петрович. – Двенадцать штук коту под хвост выкинем. Половина боекомплекта.

– Так попросим товарища Большакова помочь, его команда натаскана на такие дела, они подсветят нам цели. Нам на это дело одной ядерной болванки хватит, – предложил Триэс.

– Триэс, не пори чужь, я тебе такую ядерную болванку вставлю, что месяц враскорячку ходить будешь, – ответил я за Петровича. – Андрей Витальевич, вы сможете помочь с подсветкой целей, чтоб нам хватило половины предложенного боекомплекта?

– Так точно.

– Ну вот и хорошо. Кто следующий с предложениями?

Слово взял Петрович:

– Сейчас мы приближаемся к Норвегии, давайте опустимся южнее и где-то с широты Тронхейма начнем медленно прочесывать коммуникации противника в сторону наших вод, поохотимся за тюленями, а может, кого и крупнее загарпуним. Сейчас где-то в районе Нарвика скрываются «Тирпиц» и «Хиппер», вот бы их пустить на дно, англы будут рвать волосенки на заднице, если кто-то, а не они угробят этот кошмар британского флота.

– Предложение принимается, начнем от Тронхейма, правда, насчет Нарвика пусть наш спец выскажется. Саныч, давай, проработай вариант того, сможем ли мы протиснуться в этот фьорд или нам глубины не позволят, короче, все просчитай. Так, какие еще предложения?

– А я настаиваю сразу идти если не в Мурманск, так в Архангельск, – предложил замполит, – и попросить встречи с кем-то из руководства страны. У нас на борту всевозможные устройства, приборы и, наконец, самое совершенное оружие, которого нет в сорок втором. Да с ним СССР выигрывает войну за месяц.

– Не можем мы, дорогой Валентин Григорьевич, сейчас войти ни в Мурманск, ни в Архангельск. Как вы представляете наше появление там? Нам надо громко заявить о себе, чтобы кто-то поверил.

Сегодня 18 июля, идем на север вдоль норвежских берегов, с каждой минутой все ближе и ближе к тем местам, откуда неведомая сила забросила нас из нашего времени в это, где идет война за выживание. Бойся нас, фашист, мы пришли тебя уничтожить.

После встречи с конвоем, закончившейся утоплением немецкой лодки, ничего не произошло. Прошли к северо-западу от Британских островов, техника работала исправно. Два-

жды обнаруживали подводные лодки – один раз уже знакомую «портрету» «семерку», наверное спешившую в Атлантику, второй раз что-то неведомое. Саныч предположил, что это или пока не встреченная нами «десятка», или англичанин. Нас не обнаружили, мы тоже не атаковали. Еще несколько раз попадались надводные корабли – явно английские. По одной из целей, опознанной Санычем как «крейсер типа Саутгемптон», мы даже, объявив учебную тревогу, имитировали торпедную атаку, чтобы экипаж не расхолаживался. Нас не обнаружили. По меркам *этой* войны мы были невероятно далеко, вне рубежа охраны эсминцев сопровождения.

– Курорт! – впоследствии прокомментировал Петрович. – Нас не трогай, мы не тронем. Между прочим, это тоже не есть гут, командир!

Петрович прав. Вам не приходило в голову – *как* считается срок автономности атомарин: девяносто, сто суток? Дозаправляться не нужно – заряда реактора хватит намного дольше. Вода – из опреснителя. Провизия – при размерах лодки можно взять и на полгода. Капитальное, на берегу, ТО механизмов и докование – вполне нормально и через год.

Самым слабым местом, как ни странно, являются люди. Три месяца быть запертыми, почти не видя солнца, наблюдая вокруг одни и те же рожи? Чтобы стало понятнее: это сродни тому, как если бы вас, мирного служащего, заперли с коллегами в вашей конторе, замуравив выход. И заставили бы работать в режиме «восемь часов работа, восемь – отдых», естественно, без выходных! Делайте вывод, почему порой иной какой-нибудь матросик на исходе третьего месяца без дневного света вдруг начинает истерить, пытаться открыть входной люк на стометровой глубине! Положим, это редкость, хотя и типовой случай, хорошо известный в военноморской медицине. Вот только при длительности похода свыше девяноста суток резко возрастает вероятность того, что какой-то член экипажа по команде повернет не тот клапан или включит не тот рубильник, – это объективная реальность. Факт установлен опытным, и весьма печальным, путем – и мне совершенно неохота его проверять!

Когда-то давно, еще в СССР, я смотрел фильм «Ответный ход». Там есть эпизод, на подлодке: герой Бориса Галкина видит на переборке красную крышечку с надписью «Открыть при пожаре». Естественно, он ее открывает, а под ней, другая, с надписью: «Дурак! Не сейчас, а при пожаре». И не дай бог, он попробовал бы и дальше, потому что это был пуск системы пожаротушения, ЛОХ – лодочная объемная химическая, при срабатывании которой весь отсек почти мгновенно заполняется огнегасящим газом. И кто не успел включиться в дыхательный аппарат, то простите, мужики, в раю передайте привет тем двадцати с «Нерпы» Тихоокеанского флота, где какой-то придурок на эту кнопку нажал!

В отличие от дизельных лодок нам не надо беспокоиться – кислород, полученный электролизом воды, поступает в отсеки, автоматически поддерживая его уровень в атмосфере на привычных двадцати процентах. Но атомная лодка «Комсомолец» в восемьдесят шестом погибла именно из-за того, что в кормовом отсеке кто-то отключил автоматику или сбил настройку. И вспомните школьный опыт из химии: железо горит в чистом кислороде – отсек, где кислорода не двадцать, а сорок, пятьдесят, шестьдесят – никто не знает точно, сколько было тогда на «Комсомольце» – это пороховой погреб и бензиновый склад в одном флаконе и от любого коротыша или малейшей искры превратится в мартеновскую печь.

И таких мелочей много. Перечислять их все у меня нет ни времени, ни желания. Учи матчасть, читай инструкцию – просто прошу поверить на слово, что один дурак, ротозей или псих, нажав одну маленькую кнопочку или открыв не тот кран, может устроить нам всем как минимум громадную кучу проблем с ремонтом, а как максимум – коллективную встречу с апостолом Петром. Если будет кому просить за погибших, как в том восемьдесят шестом. Тогда к религии еще относились с опаской, но пришел командующий Северным флотом к главному мурманскому попу, архиерею или митрополиту, не знаю их иерархии, и сказал: отслужи за ребят! Не знаю, есть тот свет или нету, но если есть, чтобы их всех в рай, по справедливости. Слышал это сам от нескольких человек – не знаю, байка или нет, но очень похоже на правду.

А наш случай – и вовсе особый. Провалились черт-те куда, и что впереди – не ясно, про дом и родных забудь навсегда и вообще, война наверху, самая страшная война в истории, это без всякого пафоса, – ну, если только, не дай бог, третьей с едрён батонами не будет! Это бьет по психике, выносит мозг, и случиться может что угодно, вплоть до открытого неповиновения. Вот почему Петрович вместе с Григорьичем стараются отслеживать общее настроение, ведя душеспасительные (а то и вдушувлезавшие) беседы. Командиры БЧ, проинструктированные надлежащим образом, тоже не дремлют.

Когда-нибудь потом в обновленном СССР мы будем говорить о том, что мир не черно-белый и сложнее, чем кажется на первый взгляд. И что немцы – тоже люди. Но это потом. Когда в Берлине воздвигнут памятник нашему Солдату-Победителю. А солдаты немецкой народной армии будут маршировать под команды наших генералов. Ну, сейчас мы, волею случая, воюем с нелюдьми, зверьми, толкиеновскими орками (слово «нечисть» в наш век атеизма как-то увяло).

Вчера показывали людям кино – «Обыкновенный фашизм». Старшее поколение хорошо помнит этот фильм.

Но полицейские меры как пластырь или валидол: незаменимы здесь и сейчас, но на долгосрочную перспективу не годятся. Намного более действенное лекарство мотивация. У фантаста Ефремова есть не менее важный, на мой взгляд, роман «Лезвие бритвы». Главная мысль – именно мотивация – *это мне надо*, в связи с чем у них, словно из ниоткуда, появляются силы совершить невозможное. Потому-то Григорьич пашет, как целый отдел агитации и пропаганды. Мы одни в этом мире, и ПОКА одни против целого мира! И ничего еще не решено, если это и впрямь мир параллельный. Как знать, вдруг в этой реальности какой-нибудь идиот в генеральских погонах угробит не Крымский, а Сталинградский фронт? Сейчас решается, жить ли нам – гражданам СССР – вообще, ибо для Адольфа мы – унтерменш, рабы, удобрение! Мы – или они. Победа – или смерть. Убей фашиста – или сдохни в рабстве. Никаких сложностей – все просто и понятно, на уровне агитки двадцатых.

Убей немца. Сколько раз встретишь его – столько раз и убей. Тем более, Григорьичу, в отличие от Геббельса, ничего не надо придумывать. Это все было: и план «Ост», и концлагеря, и тысячи Хатыней. Я хочу, чтобы вы все сдохли, сволочи, – хороший немец для нас – мертвый немец, эх, попался бы нам в море какой-нибудь «Густлов», с десятью тыщами их на борту! Или «Тирпиц» – надеюсь, до него мы все ж доберемся, как раз у нас боеприпас на крупную дичь. Или тот и другой вместе.

М-да, а агитация, оказывается, вещь очень заразная. Сам не заметил, как начал уже накручивать сам себя! Впрочем, это уже психология. Назначить виноватого – ответственного за все беды. В Средневековье это были ведьмы, которых на костер; при социализме – империалисты всех мастей; в двухтысячных – какой-то бен Ладен; ну а для нас – немецкие фашисты. Как прямо заявил Григорьичу главстаршина Сорочьев: «А кто же еще? Ведь до тех, кто нас сюда закинул, нам не достать! Значит, фашисты и ответят за все!»

Нет, сам-то я понимаю, что, по сути, Германия двадцатых хуже, чем Россия девяностых! Из второй державы мира – разом ниже плинтуса! Плюс война, плюс потеря почти трети территорий и в пользу кого – поляков. Ну и, конечно, чудовищная инфляция – «разменяйте десять миллионов» – и безработица. И запрет иметь армию в стране, где «кайзер, криг, каноне» исторически считались сутью мужчины. А на закуску, вместо привычной монархии, что-то предельно подлое, продажное и вороватое. Кто помнит ельцинскую дерьмократию, тот меня поймет! Теперь представим, что году в двухтысячном в Россию вернулся Вождь и навел порядок. Восстановил промышленность, ВПК, армию. Инженеры и рабочие вновь стали вовремя получать хорошую зарплату, безработных не стало вообще. Резко прижал бы преступность и коррупцию. Восстановил Союз, присоединив «исторически наши земли». Скажем, в Австрии и Судетах процент желающих воссоединиться был не меньше, чем в современной Белоруссии

или Украине. Иными словами, в конечном итоге заставил бы весь мир вновь уважать нашу силу.

Вы бы голосовали за такого Вождя в двухтысячном? Уверен – ДА!

Правда, у немцев было еще круче. Аналог наших пятнадцати суток – заключение в Дахау и другие подобные места, причем не на срок, а «до исправления». Ну, это уже особенность немецкого сознания и корень их законопослушности, вдолбленный в подкорку.

Такая вот дойче юбер аллес – идея, немногим уступающая коммунистической. Впрочем, именно такой враг и нужен.

Короче, нужна драка. Как заметил когда-то Ильич, массам нужен успех, пусть даже небольшой, но постоянный. Иначе разброд в умах появляется и всякие мысли.

Так что идем вдоль норвежского побережья. Кто попадется навстречу?

Лучше всего, конечно, – войсковой транспорт. Чтоб вез свежий полк. Вода ледяная, хоть и июль, за пять минут не выловят – считай, покойник, с вероятностью процентов восемьдесят, ну а четверть часа – девяносто девять! Сколько там с «Густлова» спаслось, едва и один из десяти? Слышал, конечно, байку, что там фрицы детские сады вывозили – как говорят в Одессе, не делайте мне смешно! Туева куча драпавших фашистских бонз, чинов СС и прочей сволочи. После трупы утопших аж на шведский берег выбрасывало. Но что характерно, тогда про женщин с детьми даже Геббельс не заикался, который про «русские зверства» глотку сорвал.

Вчера повстречали транспорт примерно в три тысячи тонн. Сидел высоко – порожняк! По дистанции вполне бы достали, и фрицев не спас бы даже Нептун. Но тратить самонаводящуюся торпеду конца века на грудь, не исключено, солдатских ботинок задушила жаба!

– Дальше легче будет, – предположил я. – Неизвестно, вдруг он снабжение вез какому-нибудь гарнизону или батарее в местную тьмутаракань. Зато немного севернее – точно наш клиент! Возле Тронхейма какое-то оживление наметилось, похоже, кто-то к Петсамо идет. Догоним?

Один из «бонусов», которыми обеспечил нас Леня Ухов, – свободное чтение немецких радиосообщений. «Энигмы», которыми у фрицев пользовались все рода войск, включая кригсмарине, по меркам сороковых – очень круто, но против современных компов не тянут. Тем более у Лени нашлась готовая программа на Делфи, написанная как раз для расшифровки «Энигмы», правда другой модели. Не составило труда немного ее доработать, после чего любой немецкий текст «крякался», как выразился Леня, максимум за десять минут.

Проблема в том, что ловить эфир мы могли, естественно, лишь всплыв под перископ и выставив антенну, что было опасно: засечь на радаре наши выдвижные устройства проблематично, но увидеть лодку со случайно пролетавшего самолета – вполне! Сан Саныч вспомнил, что в сорок втором еще не умели работать на сантиметровых волнах – у союзников вроде что-то было. Но у немцев точно нет, они на этом горели, когда их корабли обнаруживали ночью английские самолеты с новыми локаторами. Прибор «Наксос» – пассивная РЛС, обнаруживающая и пеленгующая эти частоты, – появится у немцев лишь в конце сорок третьего.

А значит, мы могли пользоваться РЛС дальнего обнаружения без ограничений, что противоречило всему нашему опыту того времени, но было вполне оправданно здесь. 23 августа немцы будут бомбить Сталинград несколькими тысячами самолетов. Возникнет «огненный шторм», когда горит все, сливаясь в один мегакостер высотой два-три километра и такой же ширины. После чего в закрытых убежищах будут находить лишь расплавившуюся посуду из металла и прах. Как в Хиросиме и Дрездене в сорок пятом.

Так что попадись мне сейчас любое корыто с десятью тысячами немцев, без разницы, военные или гражданские, любого возраста и пола, – плевать. Поплавают.

– Звереешь, командир! – заметил подошедший Петрович. – В бою это нормально поначалу. Татьяна Петровна моя, эх, говорила: «Главное, быть не против, а за, и воевать с тем, что этому за угрожает. А если одно лишь против, рано или поздно озвереешь. А так нельзя».

– А что у нас за? Откуда мы знаем, как там в сорок втором. Хорошо, если Сталин – нормальный мужик. А если все же зверь и самодур? Себя успокаивать «вожди приходят и уходят, а Россия остается» с кайлом в ГУЛАГе? Воевать все ж проще – как в песне «где враг в прицеле, сзади свои – и никого кроме них».

– И это тоже, – соглашается Петрович, – нужна до зарезу еще парочка побед. Как ты сказал «разница будет большая, придут к нашим неизвестно кто и откуда или те, кто оказал хорошую помощь»! И если еще отпускать будем, команда не поймет. Ясно, ничего не скажут, но верить уже так не будут.

Это он про транспорт, что встретили вчера.

* * *

– Товарищ командир, мы расшифровали радиограмму из штаба адмирала Норвегии.

– И что там интересного, Леня?

– Из Тронхейма движется конвой в составе четырех транспортов и шести кораблей охраны, в том числе минный заградитель «Ульм» с минами на борту. Конвой направляется в Киркенес с заходом в Нарвик.

– Идем на перехват конвоя, – объявил я. – Надо перехватить до подхода к Нарвику, а то зайдут во фьорд, и карауль, когда они соизволят оттуда вылезти. Вот видишь, Петрович, вместо упущенного судна немцы нам на выбор еще четыре подбросили. А я почему-то думаю, что, если бы тот транспорт утопили, этот конвой пришлось бы ждать очень долго.

Мы патрулируем у Вест-фьорда на траверзе Буде в двухстах километрах от Нарвика. Рванув в темпе открытым морем, рассудив, что обнаруженная синица важнее эфемерного журавля. Пока никого не видели, кроме древнего угольного пароходика, пыхтящего, как самовар, и около пяти рыболовных баркасов. Зато самолеты барражировали часто, причем последние два – с интервалом всего в полчаса! Проверяют, чист ли путь?

– Появилась цель. Сорок пять на юг, расстояние до цели сорок миль, – поступил доклад с ГАС.

«Что это может быть? А где конвой? Почему только одно судно? – пронеслось в моей голове. – Проскочить он не мог, значит, куда-то еще зашел, скоро должен быть, будем ждать».

– Еще цели! Одна, два, три... – стал считать оператор. – Тринадцать, четырнадцать!!

– Ждали десять, а их тут четырнадцать. Значит, к конвою присоединился кто-то, выбор будет больше.

Ну, это еще не показатель. Среди островков во фьордах эхо отражается многократно. Миновать нас они не смогут НИКАК. Все ж норвежские фьорды – не финские шхеры, нельзя пройти в глубине, совсем не выходя на открытую воду! Где-нибудь да покажется, например здесь!

– Идем на выбранную позицию. Глубина двести, скорость пятнадцать. Время есть.

Проходит час с четвертью.

Вот они! Дистанция – шесть миль. Впереди – тральщик, тип М, восьмисоттонный, согласно данным Саныча. Врага надо знать «в лицо». Эти корабли использовались у немцев и как тральщики, и как противолодочные, и для артподдержки, и даже как миноносцы. Имели пару стопятимиллиметровых орудий и два торпедных аппарата. Строились огромной серией, тремя подвидами, тип 35–39, тип 40, тип 43 – по году проекта, всего свыше двухсот штук. Корабли крепкие, мореходные, правда, скорость всего шестнадцать, у них паровые машины! Акустика? Был у них сонар или нет? Хотя не важно, ничего сделать нам они не успеют!

На дистанции примерно мили ползли еще два таких же противолодочных тральщика, держа фланг. Вот и летающая лодка маячит впереди по курсу. А эти следом выползают! Торопятся скорее уйти за острова – шесть купцов, вокруг них свора мелочи, кажется, траулеры или китобойцы переделанные и еще два тральщика замыкают строй.

Один купец, самый «жирный», тысяч на десять – даже отсюда видно – почти по палубу сидит. Шестой корабль – самый мутный, на торговца не совсем похож, орудие на баке, окрашен по-военному, но по надстройкам и мачтам – торговец. Плавбаза? Штабной?

И что у них в трюмах? Не дай бог, сено или бревна. Впрочем, строевой лес везли бы на палубе.

– Саньч, глянь, – уступаю место у перископа. – Кто у нас спец по кригсмарине?

– Минный заградитель, «Ульм», – решительно сказал Саньч. – Двести девяносто мин вместимости. В нашем времени был потоплен в Баренцевом море британцами 25 августа. Еще до или уже после того, как выставил мины, – не помню. Торговцы «жирные». Особенно второй – самый крупный. Нет, не сено у него в трюме, явно железо: палуба пустая совсем, а на такой переход в шхерах погода тихая, обязательно взяли бы наверх добавочный груз! У четвертого какие-то ящики видны, пятый что-то легкое объемное везет, если не порожняк, – ватерлиния совсем высоко! Надо бить, командир!

– Сергей Константинович, только пятьдесят третьи, второй транспорт, который самый крупный, минзаг, и первый и третий в колонне, тоже!

– Нет смысла тратить шестьдесят пятые на такие цели. Чай, не «Тирпиц» и не «Мидуэй».

И вот все параметры целей загружены в БИУС, пошел обратный отсчет, до пуска торпед остались мгновения. Первая пошла, вторая пошла, ушла четвертая, побежала секундная стрелка, отсчитывая последние мгновения чьих-то жизней в этом мире. Одна торпеда – одна цель, противник не противодействует, страховаться парным залпом нет нужды. Время!

Первым рванул минный заградитель, рванул так, что мы слышали, стало понятно: на его борту не консервы, его обломки разлетелись на огромное расстояние, не гарантирую, что они кого-то не задела. Сначала, конечно, увидели, так как, обнаглев, вторично подняли перископ еще чуть до расчетного времени. Взрыв и разлет обломков был впечатляющим. У борта большого транспорта взметнулся столб воды – небольшой, торпеда с неконтактным взрывателем рванула не у борта, а под днищем, что гораздо опаснее, вся сила пошла не на столб выше мачт, эффектный, но бесполезный, а непосредственно на разрушение конструкции. Когда такие торпеды появились, их называли «ломать хребет линкорам» одним попаданием. И это реально, потому что противоминная защита линкоров и тяжелых авианосцев прикрывает лишь борт, но даже киль «Айовы» не выдержит взрыва мощной боеголовки в непосредственной близости, тем более что в воде большая часть взрывной волны идет вверх. Куда уж там выдержать транспорту!

Я волновался, как курсант. Потому что, несмотря на свое звание и опыт, впервые стрелял торпедами по реальной и видимой цели. Как легендарные Маринеско, Кошшкин, Щедрин и Матясевиц, чьи мемуары я прочел еще в училище.

Большой транспорт разорвало пополам. Его половинки накренились в разные стороны и синхронно исчезли. Второй просто нырнул в волны, как подлодка. Точно железом был загружен – техника, авиамоторы, орудия, оборудование для никелевых рудников или ремонта битого «Тирпица». Явно что-то ценное, раз так охраняли! Куда исчез третий, я даже не заметил, очевидно, опрокинулся мгновенно, и днище уже не видно из-за горизонта.

Затем пришел звук. Затухающий гром, от которого двадцать тысяч тонн лодки слегка встряхнулись, впрочем, возможно, это мне лишь показалось. Зато это точно слышал весь экипаж. Где-то в отсеках кричали «ура!», или это тоже мне показалось?

– Товарищи подводники, поздравляю с отлично проделанной работой! Нами потоплен немецкий минный заградитель с запасом мин, а также три транспорта общим водоизмещением до двадцати тысяч тонн, что наблюдал лично.

– Дистанция две тысячи метров. Пеленг десять, взрывы глубинных бомб! – доложил акустик.

Рыбу глушат. Давайте – меньше бомб у вас останется!

– Все, уходим отсюда. Перископ убрать, ныряем на двести, курс вост, двести семьдесят. Делаем ноги, пока коршуны не налетели.

– Командир, а кого нам бояться, нас же из этого антиквариата никто не догонит, – вставил Петрович.

– Так, Петрович, уходим, чтобы лишний раз не светиться, а не из-за страха, что догонят и по шеям надают. Пусть и фрицы, и кто-то другой поломают голову, кто это все сотворил. Слышишь, уже резвиться начали, бомбами кидаются, рыбу глушат на ужин, они нас не видят и не слышат, мы от них далеко. Нас не видели – пусть и не знают. И думают, что наши лодки везде! А мы отойдем мористее и будем слушать. Саньч, проложи курс!

Мы ждали три дня. Слушая эфир, узнали много интересного, причем как от немцев, так и от англичан. Немцы объявили, что при отражении нападения на конвой потопили две английские подлодки. Англичане – об утоплении шести немецких кораблей при отсутствии своих потерь. Как ни странно, английские данные были ближе к истине. В расшифрованных нами немецких сообщениях говорилось, что еще один транспорт получил при взрыве «Ульма» такие повреждения, что его едва дотянули до порта, а три противолодочника (бывшие траулеры) приложило взрывной волной – причем один так, что почти половина команды убитых или раненых, а саму лоханку проще списать.

– Вот так, кто-то топит, кто-то записывает себе на счет и получает награды, – возмутился Бурый.

– А тебе что, тоже хочется висюльку? – подколот Князь.

– Да, хочу! Я бы от Красного не отказался, он мне нравится. У моего отца такой был, и что плохого в боевых наградах, заработанных честным путем, а не как некоторые – приписками.

– Ладно, молчу, молчу, еще на дуэль вызовешь, а здесь – в замкнутом пространстве, может и невиновный пострадать.

– Так мы попросим командира всплыть и на свежем воздухе сразимся, не надо будет покойничка переть по крутому трапу, волной смоег, когда погружаться обратно будем, – ответил шуткой на шутку Бурый.

– Так, шутники, сейчас вы у меня пойдете в торпедный, и наш дорогой доктор будет делать искусственное дыхание торпедой рот в рот.

– Так у нее ротового отверстия нет.

– Захочешь – найдешь. А после этого оба берете ее, переворачиваете, загружаете в торпедный аппарат. Чтобы мы могли стрелять на отходе назад, когда нас будут преследовать корабли противника.

– Как это назад? – не врубился доктор.

В центральном грохнул хохот.

– Как, как, у нас же кормовых аппаратов нет, а мы на отходе такой перевернутой стреляем, вот она и пойдет не вперед, а назад, на преследователя.

Тут Князь понял, что его разводят, поскольку хохот стоял такой, что, наверное, немецкие акустики за сто километров засекли, и решил продолжить игру дальше сам. Состроил невинно-удивленные глазки.

– Командир, нам там места не хватит, чтобы ее развернуть, не пилить же ее пополам.

– Так мы сейчас всплываем. Вы вытаскиваете ее на палубу. Там переворачиваете и затаскиваете назад в торпедный, и всего делов.

– А если с немецкого самолета нас заметят, пока мы наверху танцевать будем?

– Да ничего страшного, как только самолет засечем, нырнем, а вы сверху поплаваете. Будете торпеду поддерживать, чтобы не утонула, она нам еще пригодится, их так мало осталось, а брать негде. Интересно будет посмотреть на того немца и узнать, что он будет докладывать, видя двух идиотов, плавающих в море в обнимку с торпедой и ожидающих каравана, который должен выйти из фьорда.

– Так она же тяжелая, вдвоем не справимся, надо еще с десятков помощников.

В центральном уже не смеялись, а стонали, кто-то сидел на корточках и всхлипывал, кто-то сполз на палубу, держась за живот и утирая слезы. Кто-то включил внутреннюю связь, так что половину разговора слышала вся подлодка, а кое-кто заглянул сюда, чтобы воочию взглянуть на этот дурдом и пересказать другим. Насмеявшись и слегка расслабившись, все потихоньку приходили в себя.

Если бы не мой день рождения. Пустяк, оказавшийся решающим. Отчего-то взбрело отметить, после чего – ходу. Попросил кока испечь торт или пирог и придумать чего-нибудь на закуску. Собирался через неделю после начала похода праздновать в нашем времени, а с этим переходом все сдвинулось, пришлось подстраиваться. Как там дома? Жена испекла свой фирменный пирог с голубикой, приготовила утку с клюквой – такая вкуснятина, даже в желудке заурчало. Блин, о чем я думаю! Они, наверное, сейчас места себе не находят, мы же пропали три недели назад. Нас наверняка всем флотом ищут, не знают, куда исчезли. Не иначе мерещится им второй «Курск» или С-80. Ладно, не будем о плохом. Может, вернемся к себе в тот же день и час и никто не заметит нашего исчезновения.

Кок не подвел, приготовил недурственный тортик, да не один, а несколько, чтобы по маленькому кусочку досталось всем. Остальные блюда тоже были хороши. Поздравляли, желали и даже дарили. Как без подарков. Обед был прерван сообщением о двух воздушных целях, кружащих на выходе из фьорда. Не зря тут эти вороны разлетались: раз уж появились – жди корабли.

И почти сразу – множественные шумы винтов. Причем не транспортов – боевых кораблей.

– Товарищи подводники, наш маленький сабантуй прикрывается по не зависящим от вас причинам, прошу всех по своим местам.

– Боевая тревога!

Сначала подумал: по нашу душу. Взялись обозленные немцы за нас всерьез, сформировав корабельную поисковую группу. Как поступил бы я сам на месте любого немецкого адмирала. Четыре-пять эсминцев с гидролокаторами и полным запасом глубинных бомб, при поддержке базовой авиации. Мы бы, конечно, уклонились, ушли. А там, глядишь, и сделали бы одного-двух. Вот где было бы настоящее дело, когда добыча пытается показывать зубы охотнику.

– Цели! Первая, вторая...

Глянем – уйти успеем всегда!

Показались. В перископ было видно, как какой-то вооруженный транспорт шел под охраной двух эсминцев.

– Петрович, погляди, что это за фрукт такой, что его охраняют два эсминца. Это больше всего напоминает какую-то плавбазу или опять минзаг.

– Да точно, военный корабль, хорошо вооруженный, глянь, как рванули, торопятся проскочить открытый участок и скрыться в проходе между островами, – подтвердил старпом, глядя в перископ. – Похоже, в Нарвик побежали.

– Ну и мы пойдем за ними и в удобном месте перехватим.

Уже целый час мы не можем выйти на удобную позицию для удара, эти гады все время прячутся за островами.

– Товарищ командир, на экране появились отметки еще от трех надводных и одной воздушной цели.

– Вот сволочи, наверняка почувствовали, что их здесь кто-то пасет. Потому и выпустили этих пораньше – отвлечь, а самим какой-то более ценный корабль провести на юг. Они, как я помню, должны «Лютцов» в Германию на ремонт отправить, вот, наверное, подобную комбинацию и придумали. Чтобы рыба, которая, по их предположениям, выжидает в засаде, клюнула на их наживку, хотя наживка стоящая.

– Так, может, сначала этих атакуем, а потом тех догоним? – предложил Саньч.

– Нельзя. Как только мы этих атакуем, те сразу в какой-то дыре укроются, из которой их не выкурить.

– А вдруг, наоборот, это на юге приманка, – мы бросим этих, помчимся за теми, а в итоге – пшик. Как говорят, за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.

– Ладно, подождем чуть-чуть, посмотрим, как будут развиваться события дальше, пока двигаем за этими.

Прошел еще час в ожидании.

– Пал Василич, как ведет себя противник, нет ли изменений в их продвижении?

– Да нет, все без изменений, идут противоположным зигзагом, ход десять узлов.

– А что с южной группой? Где она сейчас?

– Двигается на запад, уже в течение двух часов со скоростью пятнадцать узлов, – доложил оператор ГАКа.

– Кто это может быть? Может, фрицы снова послали в Атлантику рейдер, хотя, не помню, по-моему, в сорок втором все рейдеры уже переловили. Так кто же это? И куда попер? Понаблюдаем с полчаса, если ничего не поменяется, атакуем сначала этих, а потом перехватим южных, скрыться не успеют, далеко отошли от берега.

– Командир, южная группа изменила свой курс с восточного на северный и увеличила ход до восемнадцати узлов.

– Значит, это не рейдер, – заметил Петрович, – рейдеров с такой скоростью нет. Но однозначно, это боевые корабли. Они решили проскочить подальше от берега, где меньшая вероятность встречи с подлодкой, так как лодки охотятся все же ближе к берегу.

– Видимо, так и есть, Петрович. Через четыре часа мы это узнаем, а пока атакуем, пусть только выйдут в открытое пространство, – ответил я.

Такой случай представился через два часа, когда корабли вышли из-за острова. Мы всадили одну торпеду в борт военному судну, с идентификацией которого так и не определились, а другую – между труб – в эсминец. Судно стало заваливаться на левый борт, на палубе бушевал пожар, что-то взрывалось и огромными петардами взмывало вверх. Матросы прыгали с горящего корабля в воду, она тоже горела. Эсминец раскололся пополам, так как детонировали торпеды в торпедном аппарате. Он погружался двумя половинками, вокруг которых плавали в горячей нефти немногие выжившие моряки. Преследования не было, поскольку третий эсминец бросился спасать экипажи торпедированных кораблей.

– Сан Саньч, курс на южную группу, отрезаем ее от берега, чтобы не скрылась. Операторы, как ведет себя цель? Об изменении курса докладывать сразу.

– Курс цели без изменения.

Вот это да! Крейсер и два эсминца – ничего себе улов! Ни в коем случае нельзя упустить этот крейсер. Это, должно быть, «Кельн», однако почему он вышел сейчас, в то время как должен в начале августа перебазироваться в Нарвик. Очевидно, этот мир понемногу начал меняться ввиду нашего вторжения. Или мы в параллельном мире, слишком уж все пошло не так. Почти не так.

– Нам сегодня крупно повезло, товарищи подводники, – сообщил я, отрываясь от оптики перископа, прерывая свои мысли. – Там наверху фашистский крейсер, угрожающий нашим

коммуникациям, и два эсминца. Они очень спешат, наверное, уже знают о потоплении предыдущего конвоя и надеются проскочить в стороне от основных транспортных путей. Этого мы не допустим и пустим их на дно. О, складно звучит! Сережа, по крейсеру отработаешь шестьдесят пятой, чтобы наверняка, и сколько у нас осталось пятьдесят третьих.

– Мало для такой войны, всего десять штук.

– Михал Петрович, что это мы все торпедами да торпедами, а ракеты у нас для чего? Мы узнали, кто перед нами, пропустим вперед миль на двадцать – и ракетами, – предложил Триэс. – До берега далеко, никто и не узнает, куда исчезли корабли. Две по крейсеру, по одной в эсминцы, всего и делов-то. Вряд ли кто спасется.

– Сергей Степаныч, твои ракеты нам еще понадобятся. Если мы их сейчас используем, хотя и с пользой, их негде будет взять. Так что сейчас используем торпеды. В первую очередь крейсер, затем эсминцы или эсминец, который будет самой выгодной целью.

– Товарищ командир, цель увеличивает ход, – поступил доклад.

– Значит, засекли нас и пытаются оторваться, думают, тут обычная подлодка с подводным ходом максимум десять узлов. Сережа, как только БИУС выдаст данные по целям, сразу стреляешь.

Торпеда оторвала крейсеру корму вместе с обеими башнями, но он оставался на плаву, погрузившись кормой по палубу. Эсминец также получил торпеду, только под мостик, и теперь погружался носом, кренясь на правый борт. Оба корабля горели, не так интенсивно, как первые, потопленные нами за сегодняшний день. Третий эсминец шел на нас. Очевидно, решил поквитаться с обидчиком своих товарищей, не догадываясь, на что нарывается.

– Ныряем на двести, курс на уклонение, мощность семьдесят процентов, отрываемся от него, делаем петлю и добиваем этот крейсер.

Эсминец не хотел отставать и гнался за нами уже минут десять.

– Вот подлюка, гад упертый попался, – возмутился Саныч.

– Сейчас скинем! Приготовить ловушки, – скомандовал я, – выпустить ловушки, руль направо.

Мы отрывались от эсминца, позади на месте имитаторов слышались разрывы глубинных бомб, которые усердно обрабатывал наш преследователь.

– Сан Саныч, курс на крейсер, сделаем Нептуну подарочек.

Живучий, черт! Умеют немцы строить качественно. Покалеченный крейсер все еще держался на воде, когда мы подошли через полчаса, после того как сбросили эсминец с хвоста. Крейсер еще глубже осел в воду, его уже не спасти, рядом с ним плавало несколько шлюпок и спасательных плотов. Мы решили не тратить на него торпеду, и так утонет, и ушли из этого района в сторону Нарвика.

«Уже месяц, как я на этой лодке в заточении. И что им от меня нужно? – рассуждал Херман, сидя под замком в своей временной тюрьме. – Теперь я многое о них знаю. Они действительно из будущего, а Советы в 1945 году победили в этой войне. С огромными потерями, но победили. А мы проиграли. Они вошли в Берлин, от которого мало что осталось, а не мы в Москву. Да и вообще, от половины Германии тоже мало что осталось. А ее еще поделили между союзниками. Гитлер покончил с собой, Геббельс – с собой и своим семейством. Иных казнили или посадили. А эти пришли из будущего, чтобы помочь повторно выиграть войну, с наименьшими потерями. У них очень мощное оружие, которым можно за считанные секунды стереть любой город. Что за оружие они придумали в своем будущем? Да одна такая лодка может заменить сотню наших. Месяцами не всплывать, погружаться на полкилометра и передвигаться со скоростью эсминца. Ей ли бояться наших кораблей. Один из них сказал, что за этот месяц, как они появились здесь, отправили на дно восемь боевых и три транспортных судна. Потом показали несколько документальных кинохроник об этой войне и всех ее ужасах,

о концлагерях, миллионах замученных и сожженных в печах. Страшное кино. Прав был тот старый матрос, как его там? Уже стал забывать, все же прошло три года. Ах да, Вернер Майкнер, его потом гестапо арестовало. А он предупреждал еще тогда, после Польской кампании, что эта победа ничего хорошего нам не принесет. Тогда все опьянели, боготворили Гитлера. Зато потом он, неумный в своих амбициях, привел страну к краху. Но это произойдет через два с половиной года, возможно, и раньше. Я узнал, что такое война и во что обошлась нам, мне показали мой родной город Гамбург и что с ним сотворили англичане с американцами в сорок третьем году, я не знаю, выживут ли мои родители в этом аду. Я понял, что эйфория после первых побед скоро пройдет и наступит страшная расплата за все содеянное моей страной. В сорок четвертом году произойдет неудавшееся покушение на Гитлера, в котором будут участвовать высшие чины вермахта, впоследствии казненные. Может, и война раньше закончилась бы. Они рассказали, что после победы англичане не захотели единой Германии и разделили ее на четыре оккупационные зоны. Франция тоже противилась объединению. СССР в своей зоне создает новое государство – ГДР (Германская Демократическая Республика), ему нужны рабочие руки, восстанавливать разрушенное хозяйство. Хотелось, чтобы государство осталось единым. Этим объединением они тоже хотели бы заняться. Я не знаю, как теперь поступить, но надо как-то предотвратить столь страшную для Германии развязку, вот только как. Как помочь своей родине – перейти на сторону врага или попытаться сбежать, предупредив своих. Только как отсюда сбежать, если они даже не всплывают и не выпускают меня из конуры, в которой закрыли. А даже если сбежишь, надо добраться до своих. Что я могу рассказать и кто мне поверит? Чего доброго, признают сумасшедшим или дезертиром, хуже того – решат, что меня завербовали русские, и, не разобравшись, расстреляют. Я что, ярый нацист? Я простой моряк торгового флота. Я что, хотел этой войны? Нет, конечно. Я не хочу, чтобы мои родные погибли. Как их предупредить, чтобы они уезжали из города, не знаю. Думай, Эдгар, думай; черт, скоро мозги закипят, а в голову ничего не приходит. Я все-таки склоняюсь к тому, что надо помочь русским скорее закончить эту войну».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.